

АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

Бестселлер № 1
The New York Times

Пассажирка

#YoungFantasy

Александра Бракен

Пассажирка

«АСТ»

2016

УДК 821.-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бракен А.

Пассажирка / А. Бракен — «АСТ», 2016 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-102207-5

Семнадцатилетняя Этта Спенсер не подозревала, что ее виртуозное, на грани фантастики владение скрипкой – часть скрытых мистических способностей. Внезапно пробудившееся в ней магическое наследие отбрасывает девушку на сотни лет в прошлое. Напуганная и растерянная, Этта оказывается в 1776 году и в самой гуще морского сражения. Ее спасает молодой капитан, который должен доставить девушку к загадочному семейству Айронвуд, настолько могущественному, что им оказалось под силу похитить Этту из ее времени. Но зачем?.. В поисках ответа Этта и Николас мчатся сквозь столетия, разгадывая еще одну загадку – тайну невероятного притяжения друг к другу.

УДК 821.-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102207-5

© Бракен А., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Бутан	6
Пролог	6
Нью-Йорк	10
1	10
Атлантика	25
2	25
3	32
4	42
5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александра Бракен

Пассажирка

Маме

*За всю историю не было никого с таким прекрасным и сильным
сердцем, как твое.*

*Неважно, как врата узки
И что скрижаль моя таит.
Я господин моей души,
Я капитан моей судьбы.*

Уильям Эрнст Хенли

Alexandra Bracken

The PASSENGER

Печатается с разрешения литературных агентств Writers House LLC и

Synopsis Literary Agency

Copyright © Alexandra Bracken, 2016

© М. Фетисова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Бутан 1910

Пролог

Они восходили на гору, оставляя все дальше извилистые тропы, ведущие к ближайшим деревням, и мир раскидывался перед ним в своем первозданном виде: тихий, древний, таинственный.

Беспощадный.

Николас провел большую часть своей жизни на море или настолько близко к нему, чтобы чуют запах рыбы и морской воды при правильном ветре. Даже сейчас, когда монастырь вот-вот должен был проглянуть сквозь плотную завесу тумана и облаков, он поймал себя на том, что оборачивается, тщетно ища за высокими пиками Гималаев мгlistую линию, где небо встречало изгиб рябой от волн воды – что-то знакомое, что могло бы стать якорем, прежде чем его смелость исчезнет вместе с уверенностью.

Тропа – извилистая череда ступенек и грязи – сперва тянулась через сосны, сочащиеся мхом, а теперь жалась к отвесным скалам, в которых непостижимым образом был построен монастырь Такцанг-Лакханг. Вереницы ярких молитвенных флагов на деревьях трепетали над головой, их вид несколько смягчил тяжесть в его груди, напомнив, как капитан Холл первый раз привез его в Нью-Йоркскую бухту и новые фрегаты были украшены флагами всех видов и форм.

Он в очередной раз поерзал под рюкзаком, несильным осторожным движением, чтобы облегчить боль от впившихся в плечи лямок и при этом не свалиться с узкой тропки.

Ты столько раз взбирался по такелажу, а сейчас вдруг испугался высоты?

Такелаж. Руки так и чесались прикоснуться к нему, почувствовать брызги моря, поднятые ветром, и корабль, рассекающий воду. Николас попытался отвести плечи назад, забросав песком искру негодования, зародившуюся где-то в животе, прежде чем она разгорелась. Он уже должен был вернуться – уже быть с Холлом, с Чейзом, нестись по гребням набегающих волн. Не здесь, в чужом столетии – двадцатом, боже ты мой, – с бездарным гулякой, требующим, чтобы Николас помогал застегнуть его новый плащ, зашнуровать ботинки, завязать шарф и нахлобучить нелепую широкополую шляпу, хотя имел две собственные руки и, судя по всему, мозг между ушами.

Кожаный мешок, висящий у него на шее, с силой шлепнул его по боку, когда Николас продолжил подниматься туда, где стоял Джулиан, упираясь одной ногой в ближайший камень, – его обычная поза, когда он полагал, что жаждущие полюбоваться им дамы рядом. Но сейчас Николас не мог понять, на кого он пытается произвести впечатление – на горстку птиц, которых они слышали, пробираясь по влажному лесу? Неужели он всегда был таким – склонным к драматизму, тщеславным, с полным отсутствием соображения, – а Николаса настолько ослепило чудесное обнаружение так называемого брата, новая жизнь, полная комфорта, богатства и приключений, что он охотно не обращал на это внимание?

– Теперь, малец, иди сюда и посмотри – это, знаешь ли, гнездо тигрицы. Черт бы побрал этот проклятый туман...

По правде сказать, Николас знал. Он взял за правило читать столько, сколько только мог, о тех местах, куда старик их отправлял, чтобы просчитать наилучшие варианты не дать безрассудному упрямому Джулиану умереть. Николаса, словно заноза, непрерывно свербила нехватка знаний, образования. Поняв, что Семья никогда по-настоящему не обеспечит ему

необходимую для путешествий подготовку, он начал задумываться, уж не намеренно ли ему не дают проявить себя. Эта мысль достаточно его разозлила, чтобы вынудить потратить большую часть скудных средств на учебники по истории.

– Падмасамбхава, бутанский буддийский гуру – в легенде, конечно, – прилетел сюда на спине тигрицы, – продолжил Джулиан, и на лице его расцвела ухмылка, которая вытаскивала их из бесконечных передраг и неприятностей, – улыбка, которая немедленно смягчала сердце и нрав Николаса, неизменно подначивая к прощению. – На обратном пути нужно заглянуть в одну из их медитативных пещер. Может, сможешь немного поразмыслить. Взгляни на этот вид и скажи, что не будешь скучать по путешествиям. Как иначе за свою короткую жизнь ты бы сюда попал? Отринь эту глупую идею, ладно?

Вместо того чтобы врезать брату по самодовольной физиономии или направить металлический наконечник кирки, привязанный за спиной, туда же, Николас снова сдвинул рюкзак и попытался не думать слишком много о том, что он в который раз сгибается под тяжестью Джулиановых и своих пожитков.

– Кажется, надвигается буря, – сказал Николас, гордясь тем, как твердо прозвучал его голос, несмотря на скрежет и свист негодования, снова вскипевшего у него внутри. – Восхождение лучше оставить до завтра.

Джулиан сощелкнул жука с плеча новенького плаща:

– Нет. Мне пришлось оставить ту красотку в баре на Манхэттене, и я хочу вернуться и быстренько покувыркаться, прежде чем возвращаться к старику. – Джулиан вздохнул: – Снова с пустыми руками. Отправить нас в глушь за тем, чего, вероятно, на данный момент даже не существует. Классика жанра.

Наблюдая, как сводный брат вертит в руках трость, Николас задумался, что о них подумают монахи: чистенький рыжеволосый принц в альпинистском снаряжении с иголки, ковыряющийся в их священных местах в поисках потерянного сокровища, и темнокожий паренек, явно слуга, плетущийся за ним, словно пойманная тень.

Должно было быть не так.

Почему он остался? Почему подписал договор – почему вообще доверился этой семье?

Не такой должна была стать моя судьба.

– Встряхнись, старина, – сказал Джулиан, тихонько ткнув Николаса в плечо. – Только не говори, что все еще кипятишься из-за договора.

Николас свирепо зыркнул на Джулиана, когда тот отвернулся. Он не хотел ни говорить, ни думать об этом – о том, как Джулиан пожал плечами и просто сказал: «Слушай, ну надо было внимательнее читать условия, прежде чем подписывать».

Однажды он избежал порабощения этой семьей, однако в конце концов только продал себя обратно в рабство. Но старик говорил о невозможных вещах: магии, путешествиях, деньгах, превосходящих его самые смелые мечты. В ту минуту пять лет приключений едва ли казались жертвой.

Поняв, что будет всего лишь слугой сводного брата, который никогда в жизни не признает его таковым публично, Николас тогда просто сглотнул подступающую к горлу желчь и продолжил переувязывать Джулианов шейный платок на модный манер. С тех пор он чувствовал бег времени, как никогда. Каждая прошедшая секунда постепенно подтачивала его решимость, и он боялся даже думать, какая катастрофическая ярость может выплеснуться из него, когда исчерпаются все отговорки.

– Мы должны вернуться и разбить лагерь, – наконец, сказал Николас, избегая оценивающего взгляда Джулиана. – Завтра начнем заново.

Джулиан усмехнулся:

– Что, дождичка испугался? Не нуди, Ник. Подъем-то простецкий.

Но Николас беспокоился не о самом подъеме. Уже сейчас воздух в легких казался разреженным; он понял, что головная боль разыгралась не столько из-за непрекращающейся болтовни Джулиана, сколько из-за рискованной близости к небесам. Колени словно бы стали песочными; руки потеряли всякую чувствительность.

Я могу бросить его здесь. Убежать.

Куда он мог податься, чтобы они его не нашли? Ни снова к Холлу; ни обратно в свое истинное время. Ни даже найти свою мать.

Николас глянул, как расползаются, перекатываясь через горный хребет, стально-серые облака, ловко вспарываемые длинными зубчатыми шпилями Гималаев.

На корабле он воспользовался бы и океаном, и самим судном, чтобы оценить интенсивность надвигающегося шторма и придумать, как преодолеть его. Сейчас ни моря, ни корабля у него не было; только шею слабо покалывало, предупреждая, что далекий гром трещит и разносится эхом по бесприютным горам.

– Лучше бы старик на сей раз не промахнулся, – сказал Джулиан, снова припуская вверх по тропе. Оттуда, где стоял Николас, она казалась бесконечной лентой из ступенек, перекинутой через неровное каменное лицо скалы, поднимающейся и опадающей вместе со складками горных пород. – Я устал от этой его игры... да пропала она – эта чертова штуковина! Даже *он* иногда не выигрывает.

«Он всегда выигрывает, – подумал Николас, и его ладони превратились в кулаки. – Я никогда ни от одного из них не освобожусь».

– Ладно, давай смелее, Ник. Мы должны пройти этот путь! – крикнул Джулиан. – И я так проголодался, что съел бы лошадь.

Первые капли дождя брызнули ему в лицо, скользнули по щеке и сорвались с подбородка. Это был странный, трепещущий миг. Почувствовав, что застревает в этом мгновении, Николас огляделся в поисках какого-нибудь временного убежища, зная, что Джулиан скорее потребует найти ему убежище, нежели рискнет замочить ботинки. В стороне от *чортенов* – низких белых построек, приютивших замысловатые яркие молитвенные барабаны, – виднелось несколько небольших закрытых уступов, где плакальщики разместили конические реликварии.

– Есть! – Джулиан испустил резкий радостный вопль, выбросив кулак в воздух. Туман, окутывавший монастырь, рассеялся, будто прибитый дождем, и лежал озерной гладью, скрывая тысячи футов между уступом и отвесным скалистым обрывом вниз. – Где камера? Разбей ее, парень! Все равно никто не увидит...

Взорвавшийся над головой гром отскочил от гор, словно пушечная канонада. Николас напрягся, сжавшись от оглушительного грохота.

Не успел гром затихнуть, как небеса разверзлись дождем, на мгновение ослепившим его своей мощью. Николас испустил испуганный вздох, когда удары капель слились в сплошную стену воды – огромную волну, которую он видел лишь однажды на море, когда корабль отнесло к краю урагана. Потoki дождя неслись с уступов, заливая все вокруг него, почти сбивая с ног.

Джулиан...

Николас крутанулся обратно к краю тропы как раз тогда, когда Джулиан повернулся что-то ему крикнуть, и увидел, как левая нога брата исчезла вместе с раскрошившимся под нею грязным уступом.

Едва Джулиан исчез из виду, резко упав вниз, сознание Николаса пронзила единственная мысль: «Не так».

– Ник! *Ник!* – Джулиану удалось уцепиться за обломки уступа, рука выскальзывала из намокшей перчатки, а он болтался в воздухе над камнями, грязью и деревьями. Николас прополз последние несколько футов между ними на животе и тянулся, тянулся, а содержимое рюкзака, погрохатывая, впивалось ему в спину...

Лицо Джулиана побелело от страха, его губы шевелились, умоляя: «Помоги мне, помоги мне...»

С чего бы?

Эта семья... забрала у него все: настоящую семью, свободу, достоинство...

От мысли, что он наконец-то возьмет что-то взамен, холодное горькое удовлетворение заполнило его душу до краев.

Потому что он – твой брат.

Николас покачал головой, чувствуя, как дождь начинает сносить его к уступу.

– Протяни... подними руку вверх... Джулиан!

Решительность отразилась на грязном лице Джулиана, когда тот поднял свободную руку вверх, пытаясь поймать протянутую руку Николаса.

Джулиан разжал вцепившуюся в уступ руку, чтобы оттолкнуться вверх, Николас рванулся вперед и поймал его пальцы...

Вес, который он удерживал, пропал, когда рука Джулиана выскользнула из перчатки, и темный силуэт несчастного бесшумно скользнул вниз сквозь перистый туман, рассеявшийся достаточно, чтобы Николас увидел на дне ущелья вспышку света, когда тело Джулиана рухнуло в поблескивающую грязь.

Вдалеке раздался гул и грохот, и Николас понял, что проход, которым они пришли, обрушился.

В ушах Николаса редела кровь, преследуя его собственный беззвучный крик; ему не нужно было смотреть, искать среди дождя и тумана, чтобы понять: само время украло изломанное тело Джулиана и растворило его в памяти.

Нью-Йорк Настоящее время

1

Удивительно, но каждый раз при взгляде на них Этта по-прежнему видела что-то новое, чего не замечала прежде.

Строй картин годами висел в гостиной все на том же месте за диваном – раскадровка величайших событий маминой жизни. Иногда, рассматривая их, Этта чувствовала, как что-то сжимается в животе: и не зависть, и не тоска, но какой-то слабый отголосок того и другого. Она сама путешествовала с Элис, объездила полмира с международным конкурсом скрипачей, но не видела ничего похожего на сюжеты маминых картин. Ничего сравнимого с этой горой, по которой вилась светлая тропа, устремляясь вверх сквозь деревья к облакам, к невидимому пику.

Но только теперь, перегнувшись через спинку дивана, Этта заметила, что Роуз нарисовала две фигурки, пробирающиеся вверх по тропе, наполовину скрытой вереницами ярких флагов, развевающихся над головой.

Глаза скользнули по другим картинам. На одной был вид из первой студии Роуз на Шестидесят шестую улицу и Третью авеню. На другой – ступеньки Британского музея, засиженные туристами и голубями, где она писала портреты прямо на улице, когда снова переехала в Лондон. (Этте всегда нравилась эта картина, потому что мама запечатлела момент, когда Элис впервые увидела Роуз и подошла отчитать ее за то, что та прогуливает школу.) Темные буйные джунгли ластились к влажным камням Террасы слонов Ангкор-Тхома – к восемнадцати годам Роуз наскребла достаточно денег, чтобы полететь в Камбоджу, и очаровала археологов, взявших на раскопки девочку без малейшего опыта. На следующей был Люксембургский сад во всем его летнем великолепии, нарисованный, когда она поступила в Сорбонну. А под ней, упершись в спинку дивана и прислонившись к стене слева, стояла новая картина: залитая пылающим розовым золотом пустыня на закате, усеянная осыпающимися руинами.

История жизни ее матери. Те кусочки, которыми Роуз была готова поделиться. Этта задумалась: что за историю хранит новый сюжет, – уже многие годы у Роуз не было времени рисовать для себя, и еще больше лет уткло с тех пор, когда она рассказывала Этте сказки на ночь по своим картинам. Девушка едва могла вспомнить, какой мать была тогда: до бесконечных путешествий с лекциями о новейших реставрационных методах, до бесчисленных проектов в отделе хранения Метрополитен-музея по очищению и восстановлению работ старых мастеров.

В двери звякнул ключ, и, спрыгнув с дивана, Этта поправила подушки.

Перед тем как зайти, Роуз в последний раз встряхнула зонтик в коридоре.

Несмотря на ранний осенний ливень, она почти не намочила – волнистые светлые волосы, скрученные в узел; мокрые, но не загубленные каблуки; застегнутый на все пуговицы плащ. Этта, смутившись, протянула руку, пытаясь пригладить собственные волосы, жалея, что все еще не сменила цветастую пижаму на платье для выступления. Ей нравилось, что они с мамой так похожи – словно составляют комплект, – потому что, не видя отца, глядящего на нее из зеркала, было проще принять жизнь без него. Но теперь Этта понимала: их сходство лишь поверхностно.

– Как прошел день? – спросила Этта, когда мама окинула взглядом пижаму и отвернулась, вскинув брови.

– Разве тебе не пора уже быть одетой? – вместо ответа поинтересовалась Роуз; ее английский акцент хрустнул таким неодобрением, что внутренности Этты непроизвольно сжались. – Элис придет с минуты на минуту.

Пока Роуз вешала плащ в крошечную гардеробную их крошечной квартирki, Этта бросилась к себе в комнату, чуть не поскользнувшись на нотах, разложенных на ковре, и почти кувыркнувшись головой в старый шкаф, служивший ей гардеробом. Несколько недель назад она выбрала рубиновое коктейльное платье для этого события, но теперь колебалась, задумавшись, не решит ли мама, что оно слишком неформальное или слишком жеманное с этими лентами, завязывающимися на каждом плече. Предстояло закрытое мероприятие по сбору средств для Метрополитена, и Этта не хотела, чтобы мамино начальство подумало, будто она ненастоящий профессионал.

Этта мечтала снова увидеть мамину улыбку, когда она заиграет.

Отложив красное платье, девушка вытащила более строгое приглушенно-черное и села за стол наводить марафет. Через пару минут мама постучала в дверь.

– Помочь с прической? – спросила Роуз, наблюдая за дочерью в висящее на стене зеркало.

Этта вполне могла сама укротить волосы, но кивнула, вручила маме пучок заколок со старой расческой и сидела, выпрямившись, а Роуз принялась распутывать волосы дочери, разглаживая их на макушке.

– Я не причесывала тебя с тех пор, как ты была маленькой девочкой, – тихо проговорила Роуз, собирая волны светлых волос в руке. Этта прикрыла глаза, припоминая, каково это – быть такой маленькой, чтобы после ванны сидеть у мамы на коленях и, пока она чешет волосы, слушать истории о ее путешествиях до твоего рождения.

Теперь она не знала, как ответить, чтобы Роуз не погрузилась снова в свое обычное тяжелое холодное молчание. И решила спросить:

– Повесишь новую картину, которую закончила? Такая красивая!

Роуз одарила ее одной из своих редких мягких улыбок:

– Спасибо, дорогая. Хочу заменить Люксембургский сад – напомни мне на выходных подобрать крепеж.

– Почему? – спросила Этта. – Мне она нравится.

– Лучше сработает игра цветов, – объяснила Роуз, схватив одну заколку со стола, и заколола волосы Этты назад, скручивая в жгут. – Течение тьмы к свету будет очевиднее. Не забудь, хорошо?

– Не забуду, – пообещала Этта, а потом отважилась спросить: – Что на ней?

– Пустыня в Сирии... Я не была там вечность, а тут несколько недель назад увидела во сне и никак не могу выбросить из головы. – Роуз пригладила последние непослушные пряди назад и прыснула на них лаком. – Однако это напомнило мне... У меня есть кое-что, что я давно уже хотела тебе отдать. – Она полезла в карман своего старого потертого кардигана, потом открыла ладонь Этты и положила в нее пару изящных золотых сережек.

Две блестящие жемчужины мягко подкатились одна к другой, стукнувшись золотыми листиками-сердечками. Темно-синие бусины – Этта искренне надеялась, что не настоящие сапфиры, – подвешивались к небольшим колечкам. Золото изгибалось, повторяя в мельчайших деталях крошечные виноградные лозы. По качеству обработки металла – немного грубоватой – и несовершенной симметрии Этта догадалась, что они были сделаны вручную много лет назад. Может, даже веков.

– Думаю, они отлично подойдут к твоему дебютному платью, – объяснила Роуз, облокотившись о стол, пока Этта изучала украшения, пытаясь понять, чем она больше ошеломлена: их красотой или тем, что мама, кажется, впервые неподдельно переживает за концерт, а не только за то, как он впишется в ее рабочий график.

До дебюта Этты как солистки оставалось еще чуть более месяца, но они с Элис, ее преподавательницей, начали охотиться за тканью и кружевом в Швейном квартале через несколько дней, как девушка узнала, что исполнит скрипичный концерт Мендельсона в Эвери-Фишерхолле с Нью-Йоркским филармоническим оркестром. Набросав эскизы и идеи, Этта обратилась к местной портнихе, чтобы воплотить их в жизнь. Золотые кружева, сплетенные в поразительные листья и цветы, покрывали ее плечи и ловко спускались к шифоновому корсажу глубокого синего цвета. Идеальное платье для идеального дебюта «тщательно скрываемого секрета классической музыки». Этте так надоел этот глупый ярлык, навешенный на нее несколько месяцев назад, после того как в «Таймсе» опубликовали статью о том, что она выиграла Международный конкурс имени Чайковского в Москве. Он только подчеркивал то, чего ей так не доставало.

Ее дебют в качестве солистки с оркестром «вот-вот наступал», уже по меньшей мере три года, но Элис решительно не желала брать на себя никаких обязательств. Как девушка с парализующей боязнью сцены, которой приходилось напрягать каждую унцию нервов, чтобы преодолеть ее на предыдущих конкурсах, Этта поначалу была благодарна. Но потом она переросла свой страх, ей исполнилось пятнадцать, шестнадцать, а теперь приближалось восемнадцатилетие, и она начала замечать детей, которых когда-то с легкостью побеждала, дебютирующих дома и за границей, обходя ее в гонке, которую она вела уже много лет. Этту стало нервировать, что ее кумиры дебютировали намного раньше нее: Гото Мидори – в одиннадцать, Хилари Хан – в двенадцать, Анне-Софи Муттер – в тринадцать, Джошуа Белл – в четырнадцать.

Элис окрестила сегодняшнее выступление в Метрополитен-музее «мягким стартом», чтобы проверить нервы, но это было больше похоже на «лежачего полицейского» на пути к большой вершине, восхождению на которую она хотела посвятить всю свою жизнь.

Мама никогда не пыталась убедить ее не играть, сосредоточиться на других предметах и всегда поддерживала в своей обычной, скупой на чувства манере. Этого должно было быть достаточно, но Этта постоянно ловила себя на том, что из кожи вон лезет, лишь бы заслужить похвалу Роуз, завладеть ее вниманием. Она билась, чтобы завоевать его, снова и снова оставаясь в проигрыше.

«Ей нет и не будет дела, до того как ты убиваешься, чтобы стать лучшей. Ты хоть иногда играешь для себя или все надеешься, что однажды она соизволит послушать?» – прокричал Пирс, ее лучший друг, ставший «больше, чем другом», когда Этта, в конце концов, решила порвать с ним, чтобы оставалось больше времени на репетиции. Но те слова восставали вновь и вновь, шипящим, как кобра, сомнением еще целых полгода, пока оно не пропитало Этту насквозь.

Этта разглядывала серьги. Разве это не доказательство, что матери не все равно? Что она поддерживает мечту дочери?

– А можно я и сегодня их надену?

– Конечно, – кивнула Роуз, – они теперь твои. Носи, когда захочешь.

– У кого свистнула? – пошутила Этта, застегивая сережки. Девушка не могла вспомнить, когда бы за свои сорок четыре года мама могла позволить себе подобную роскошь. Это наследство? Подарок?

Роуз напряглась, плечи ссутулились, подобно краям древнего свитка, выставленного у нее на столе. Этта ждала, что она рассмеется, но так и не дождалась – ее глупую попытку пошутить встретил лишь сухой взгляд. Повисшее молчание становилось все болезненнее.

– Мам... – пробормотала Этта, чувствуя глупое желание заплакать из-за того, что разрушила мгновение близости. – Я же пошутила.

– Знаю. – Мама подняла подбородок. – Немного больная тема... Минуло много лет с тех пор, как я была вынуждена жить так, как жила, но взгляды, которыми меня провожали окружающие... Хочу, чтобы ты знала: я *никогда* в жизни ничего не украла. Как бы плохо мне

ни было и как бы сильно мне чего-либо ни хотелось. Однажды *меня* пытались обчистить – никогда не забуду, каково это. Я чуть не потеряла вещь, принадлежавшую твоему прадедушке.

За словами послышалось гудение гнева, и Этта удивилась, что ей не захотелось как можно скорее отступить.

Мама так редко говорила о семье – даже меньше, чем об отце Этты, о котором не говорила почти никогда, – и Этта поймала себя на том, что тянет за висящую ниточку в надежде распутать что-нибудь еще.

– Твой приемный отец? – спросила Этта. – Это он пытался тебя обокрасть?

Мама хмуро улыбнулась:

– Отличная догадка.

Ее родители погибли в автокатастрофе на Рождество. Дед, ставший опекуном, умер чуть больше чем через год. А приемная семья... Отчим никогда не поднимал на нее руку, но из немногих историй, которые Этта о нем слышала, он так сурово, так безоговорочно управлял жизнью Роуз, что той оставалось либо остаться и задохнуться, либо убежать в полный опасностей большой мир.

– Что это было? – спросила Этта, понимая, что слишком уж испытывает удачу. – Что за вещь он хотел украсть?

– О, одну старинную семейную реликвию. По правде говоря, я хранила ее всего по одной причине: знала, что, продав эту вещь, могла купить билет из Лондона, вырваться из приемной семьи. Я знала: твой прадед завещал ее мне, чтобы я сама выбрала свое будущее. Я никогда не жалела о том, что продала эту древность, потому что она привела меня сюда. Хочу, чтобы ты запомнила: в конечном итоге значение имеет только наш выбор. Не мечты, не слова, не обещания.

Этта покрутила головой, изучая серьги в зеркале.

– Я купила их у торговки на старом рынке – *суке* – в Дамаске, когда была примерно твоего возраста. Ее звали Самара, и она уговорила меня их купить, когда я сказала ей, что это моя последняя поездка и я, наконец, возвращаюсь в школу. Долгое время я видела в них конец своего путешествия, но теперь думаю, что они всегда были призваны символизировать начало твоего. – Роуз наклонилась и поцеловала ее в щеку. – Этим вечером ты будешь прекрасна. Я так тобою горжусь.

Эттины глаза обожгло слезами, и она, как никогда, пожалела, что не в силах остановить мгновение. Куда только подевались горечь и разочарование – по венам струилось чистое счастье.

Элис стукнула в дверь, прежде чем воспользоваться собственным ключом и возвестить о своем прибытии веселым «Здорово!».

– А теперь пошевеливайся, – сказала Роуз, смахивая пылинку с плеча дочери. – Мне нужно несколько минут, чтобы переодеться, встретимся на месте.

Этта встала, ее горло все еще сжималось. Ей так хотелось обнять маму, но та отошла, сложив руки за спиной.

– Увидимся на месте?

– Приеду сразу после тебя. Обещаю.

Вал огня катился по нотам, сбивая дыхание в груди Этты, просачивался сквозь кожу, мерца в костном мозге, когда они с Элис проскользнули в еще пустой зал.

Она не могла не признать: этот скрипач... Этта посмотрела на подобранную с пола программку. Эван Паркер, точно. Она слышала его на нескольких конкурсах. Играл он вполне прилично. Может быть, даже отчасти хорошо.

«Но, – подумала Этта, ощутив прилив удовлетворения, – не так хорошо, как я».

И недостаточно хорошо, чтобы справиться с чаконной Баха из партиты номер два в ре-миноре.

Свет потускнел и прокатился по сцене всполохами меняющихся цветов: техники в будке вносили последние корректировки, чтобы освещение соответствовало настроению музыки; Эван с темными мерцающими волосами, стоя посреди сцены, принялся за чакону, словно пытался высечь из своей скрипки огонь, совершенно не обращая внимания на всех и вся. Этта знала это чувство. Она могла сомневаться во многом, но не в своем таланте и любви к скрипке.

Им не давали выбора: совет директоров музея сам назначил каждому, какое произведение исполнить на благотворительном концерте, но какая-то маленькая, кисловатая часть Этты все еще томилась от зависти. Большинство, включая ее саму, считало чакону одним из сложнейших в исполнении произведений для скрипки – тема повторялась в десятках головокружительно сложных вариаций. Эмоционально мощная, практически идеальная с точки зрения композиции. По крайней мере, когда ее играла она. Играть чакону должна была она!

Ее часть, ларго из сонаты номер три, была заключительной среди скрипок. Сладостное волнение, задумчивая медитация – не самое сложное произведение и не ярчайшее, но, как снова и снова повторяла Элис, «с Бахом схалтурить не получится». Каждое произведение требовало от исполнителя полной отдачи и сосредоточения, напряжения всего мастерства. Она сыграет безупречно, полностью сосредоточившись на дебюте.

Не на маме.

Не на том, что теперь ей некому позвонить или написать после выступления, чтобы переговориться о времени.

Не на том, что один вечер может определить все ее будущее.

– Ты бы отлично справилась с чаконной, – сказала Элис, когда они пробрались к краю сцены, направляясь в зеленую комнату, – но сегодня за тобой ларго. Помни, это не соревнование.

У Элис такой волшебный взгляд, будто она сидит у себя дома перед камином, укутавшись в большое одеяло, рассказывая милостивым лесным созданиям сказки на ночь. Волосы, некогда, если верить фотографиям, бывшие огненно-рыжими и спускавшиеся до середины спины, теперь были коротко острижены и белы, словно молоко. Дожив до девятности трех, она не потеряла ни теплоты, ни остроумия. Но хотя ее разум был острым, как никогда, а чувство юмора вдвойне злободневней, Этта заботливо помогла ей подняться по лестнице, стараясь не сжимать тонкую руку слишком сильно, когда один из организаторов провел их в зеленую комнату.

– Но не забывай, – ухмыляясь до ушей, прошептала Элис, – что ты – *моя* ученица и уже потому лучшая. И если ты чувствуешь потребность это доказать, то кто я такая, чтобы тебя останавливать?

Этта ничего не могла с собой поделать: засмеявшись, обняла наставницу за плечи и была благодарна за возвращенное с десятикратной силой объятие. Когда Этта была младше и только начинала участвовать в конкурсах, она не могла выйти на сцену, пока Элис трижды не обнимет ее и не поцелует в макушку на удачу. Это заставляло ее чувствовать себя в безопасности, вокруг плеч как будто оборачивалось теплое одеяло, и она могла спрятаться внутри этого чувства, если потребуется.

У меня есть Элис.

Пусть у нее не было больше никого, у нее была Элис, верившая в Этту, даже когда та играла из рук вон плохо. Из двух британок в ее жизни она была благодарна, что по крайней мере эта, кажется, безусловно любила ее и заботилась о ней.

Элис отступила назад, касаясь щеки Этты.

– Все в порядке, милая? Ты ведь не передумала?

– Нет! – Боже, она не могла дать Элис ни малейшего повода отменить дебют! – Просто, как обычно, нервничаю.

Элис прищурилась на что-то у нее за плечом; Этта начала было поворачиваться, чтобы посмотреть, что это, но ее наставница дотронулась до одной из сережек, в задумчивости морща лоб.

– Мама дала?

Этта кивнула:

– Ага. Вам нравятся?

– Они... – Элис опустила руку, казалось подбирая слово. – Красивые. Но и вполнину не такие красивые, как ты, утенок.

Этта закатила глаза, но рассмеялась.

– Мне нужно... Я должна позвонить, – медленно проговорила Элис. – Ты ведь сможешь начать разогреваться сама?

– Конечно, – всполошившись, кивнула Этта. – Все хорошо?

Элис махнула рукой:

– Будет. Если я не вернусь через несколько минут, убедись, что тебя включили в очередь на сцену – тебе нужно больше всего времени, так как у тебя не было генеральной репетиции. И скрипка – какую тебе дали?

– Антониуса, – возликовала Этта. Это была одна из нескольких скрипок Страдивари из коллекции Метрополитен-музея и первая, к игре на которой ее допустили.

– Ах, золотое дитя. Придется немного поработать, чтобы разыграть ее, – предупредила Элис. – Меня не волнует, что там говорит твоя мать, будто их надо приберечь на будущее. Держать такие невероятные инструменты в заложниках за стеклом. Ты знаешь, что...

– ... Чем дольше скрипка молчит, тем труднее ей вновь обрести свой истинный голос, – закончила Этта, уже раз сто слышавшая это заявление.

Страдивари – струнные инструменты, созданные семьей Страдивари из Северной Италии в конце семнадцатого – начале восемнадцатого века, стали легендарными благодаря силе и красоте звучания. Владельцы описывали их не как вещи, а как людей – темпераментных друзей с характером, который невозможно полностью подчинить, как бы виртуозен ни был исполнитель.

Как ни прекрасна была ее собственная скрипка – вийомовская копия «Мессии» Страдивари, унаследованная ею от Элис, – она была всего лишь копией. Каждый раз, думая о прикосновении к настоящему инструменту, Этта чувствовала, что из пальцев вот-вот посыплются искры.

– Еще немного, утенок, – сказала Элис, потянувшись, чтобы нежно потрепать воспитанницу за подбородок.

Этта подождала, пока наставница благополучно спустится по лестнице, прежде чем повернуться назад и, прищурившись, устремиться во тьму.

– Вот ты где!

Обернувшись, Этта увидела Гейл, организатора концерта, что, извиваясь, проталкивала себя по сцене, насколько позволяло длинное узкое черное платье.

– Остальные за кулисами в зеленой комнате. Что-нибудь нужно? Мы разогреваемся по очереди, но сначала я тебя со всеми познакомлю. – Она оглянулась, и по ее лицу промелькнула вспышка разочарования. – Твоя наставница с тобой? Черт, а я-то надеялась с ней встретиться!

Элис и ее покойный муж, Оскар, были всемирно известными скрипачами, прервавшими карьеру в Нью-Йорке, когда Оскар заболел. Он умер всего через год после того, как Этта начала брать уроки у Элис, но в пять лет она была достаточно взрослой, чтобы получить верное впечатление о его теплоте и чувстве юмора. Хотя Элис не выступала многие годы – у нее не хватало духу даже попробовать после смерти Оскара, – о ее захватывающем дебютном выступлении в Ватикане в определенных кругах по-прежнему ходили легенды.

– Элис вернется, – пообещала Этта, когда они пробились к зеленой комнате. – Вы познакомите меня со всеми? Извините, у меня не было генеральной репетиции.

– У Эвана тоже. Все будет хорошо – сейчас разберемся.

Дверь зеленой комнаты оказалась открыта, и поток голосов, пронзительных от волнения, вылился ей навстречу. Когда она вошла, другие скрипачи уставились на нее с откровенным любопытством.

Они гадают, почему ты здесь. Этта понизила голос и изучала их в ответ, пока Гейл ходила по комнате и выкрикивала имена. Этта узнала двух из трех присутствующих мужчин – пожилых, предпенсионного возраста. Эван, конечно, все еще стоял на сцене. Организаторы уравнивали их тремя женщинами: пожилой скрипачкой, ею самой и другой девушкой, выглядящей ровесницей Этты. Гейл представила ее просто как «Софию», словно в фамилии не было необходимости.

Девушка заколола темные, почти черные, волосы в старомодный узел. На ней была обычная белая блузка, заправленная в длинную темную юбку, доходившую до лодыжек, но наряд не был и вполтину так суров, как выражение ее круглого лица, когда она заметила, что Этта изучает ее, пытаясь вспомнить, пересекались ли они на конкурсах.

– Мистер Фрэнкрайт, вы следующий, – сказала Гейл, когда Эван вошел и представился. Один из стариков встал и, получив великолепную скрипку Стадивари, вышел.

Никто, казалось, не был в настроении разговаривать, что было Этте только на руку. Девушка надела наушники и, закрыв глаза, принялась слушать ларго, сосредоточившись на каждой ноте, пока ее маленькая сумочка нечаянно не соскользнула с коленей и блеск для губ, пудра, зеркальце и деньги, которые она в нее сунула, не рассыпались по плитке. Эван и другой мужчина с тихим смехом помогли ей сгрести все обратно.

– Извините, извините, – бормотала она. И только начав запихивать все обратно, заметила, что в сумочке скрывается маленький кремовый конверт.

«Не может быть», – подумала она. Этта и подумать не могла... мама *сто лет* так не делала. Сердце радостно подскочило в груди, наполняясь старым знакомым звездным светом, когда она разорвала и вытрясла содержимое конверта. Внутри оказалось два листа бумаги – на одном было бессвязное письмо, показавшееся бы – случайному глазу – болтовней о погоде, музее и доме. Но был и второй, меньший лист бумаги с вырезанным в центре сердечком. При наложении второго листа на первый сообщение менялось; сердце собирало бессвязные пустые слова в простое: *Я люблю тебя и так горжусь тем, кто ты есть и что совершишь.*

Роуз оставляла дочери подобные записки всякий раз, отправляясь в командировку, когда Этта оставалась с Элис, – маленькие напоминания о любви, спрятанные в сумку или футляр для скрипки. Но чем дольше она смотрела на записку, тем слабее делался первоначальный всплеск счастья.

Мама – положила руку на сердце – не была сентиментальной, Этта не знала, как это понимать, особенно на фоне сережек. Пытается растопить отношения, которые сама же и заморозила?

Этта проверила телефон. Полчаса до концерта.

Ни сообщений, ни пропущенных звонков.

Ничего удивительного.

Ни... Элис.

Девушка встала, поставила сумочку на стул и выскользнула из комнаты – проверить наставницу. Элис показалась ей почти обескураженной или, по крайней мере, встревоженной. Вполне возможно, ее втянули в разговор или она не могла кому-то дозвониться, но Этта не могла перестать паниковать, вниз по шее покалывающей волной пробежал ужас.

Зал был пуст, за исключением инструктируемых организатором капельдинеров. Этта, ковляя на каблуках, поспешила по проходу, ловя последние ноты скрипача на сцене. Скоро ее очередь.

Но Элис не стояла в холле, прижимая к уху телефон. Не было там и ее матери. Они не чирикали у входа в музей или Большой зал... а когда девушка выбежала на ступеньки, все, что она нашла, так это голубей, лужи и туристов. Что оставляло единственную вероятность.

Этта повернулась обратно к лестнице, ведущей к залу Европейской живописи, и врезалась в кого-то, чуть не упав вместе с ним на пол.

– Ах... простите! – выдохнула Этта, когда незнакомец удержал ее.

– Что за спешка? Вы... – Мужчина смотрел на нее через очки в серебряной оправе, губы приоткрылись от удивления.

Он был старше: на краю среднего возраста или уже переступил его, судя по проседи в черных как смоль волосах. Этте хватило беглого взгляда, чтобы понять: она чуть не сбила с ног одного из благотворителей Метрополитен-музея. Все в его облике говорило о холености; смокинг казался безупречным, на лацкане красовалась темно-красная роза.

– Я не смотрела, куда иду, – пробормотала она. – Простите, мне так жаль...

Он не отрывал от нее взгляда.

– В любом случае, – продолжила она, попятившись, чтобы возобновить свои поиски, – надеюсь, вы в порядке, еще раз прошу прощения.

– Подожди! – крикнул он ей вслед. – Как тебя зовут?

Этта засемила вверх по мраморной лестнице, громко стуча каблуками. Она прошмыгнула мимо экспонатов, помахав охранникам и зрителям, к лифтам, которые доставили бы ее в реставраторское крыло. Может, маме пришлось задержаться в кабинете, а может, она позвала к себе Элис, чтобы поговорить наедине.

Крыло оказалось опустевшим, за исключением охранника Джорджа, кивнувшего в знак приветствия, когда она прошла мимо, направляясь в коридор.

– Мама у себя, – сказал Джордж. – Пришла несколько минут назад с сияющей дамой на каблуках.

– Спасибо, – поблагодарила Этта, быстро огибая его.

– У тебя ведь сегодня концерт? – крикнул он. – Удачи!

Концерт, репетиция, разминка...

– ...Годами меня не слушаешь!

Она едва узнала пылающий гневом голос Элис, который та столь редко повышала. Его приглушала закрытая дверь, но ярости в голосе хватило, чтобы пронестись по коридору и достичь ушей Этты.

– Ты не посмеешь звонить, Элис, – продолжила мама голосом куда спокойнее.

Колени Этты словно бы превратились в воду; девушка стояла за дверью кабинета, прижимая к ней ухо.

– Я ее мать и, вопреки твоему мнению, знаю, что лучше для моего ребенка. Пришло ее время – и ты это знаешь. Ты не можешь просто взять и сбить ее с пути без последствий!

– К черту последствия! И к черту тебя за то, что думаешь о них, а не о ней. Она не готова. Не прошла соответствующую подготовку, и нет никакой гарантии, что этот путь ей подходит.

Не готова. Слова Элис разорвали ее сознание. Не готова к чему? К дебюту?

– Я безумно люблю тебя, ты же знаешь, – продолжила Роуз. – Ты сделала для нас больше, чем я могу выразить или отблагодарить, но прекрати со мною сражаться. Ты не понимаешь и явно не знаешь Этту, если недооцениваешь ее. Она справится.

Между частыми ударами сердца и ошеломлением, растекавшимся по венам, Этта снова и снова повторяла услышанное, прежде чем поняла, что на самом деле мама борется за нее, что это Элис пытается ее удержать.

Она собирается отменить дебют.

– А ты явно не любишь ее так, как я, если готова бросить на съедение волкам.

Элис собирается отменить дебют.

Ради которого она бросила настоящую школу.

Ради которого бросила Пирса.

Ради которого репетировала каждый день по шесть часов.

Этта распахнула дверь кабинета, заставив Роуз и Элис оторваться от сверления друг друга взглядом.

– Этта... – быстро встав, начала мама, – разве ты не должна быть внизу?

– Не знаю, – сказала девушка, ее голос дрогнул от злости, когда она уставилась на Элис. – Мне надо быть внизу или просто пойти домой? Или я и с *этим* не справлюсь?

Желудок скрутило, когда Элис протянула к ней руку, пытаясь заманить ее в кабинет, в успокаивающий капкан рук. Словно Этта снова стала ребенком, нуждающимся в успокоении.

В глазах Элис было что-то острое, оценивающее, что немедленно вызвало у Этты дрожь паники. Она знала этот взгляд и точно знала, о чем думает старуха.

– Думаю, утеночек, мы *должны* пойти домой. – Она повернулась и встретила спокойный взгляд Роуз. – Там и поговорим.

Этта почувствовала, как ее сердце вздрогнуло, потом еще раз, пока не ощутила, что пульс бьется в ушах, а кровь теплеет.

– Я пожертвовала всем ради этого... *всем*. А вы хотите, чтобы я просто ушла? Вы хотите все отменить, *снова* отложить? – требовательно спросила она, пытаясь сдержать пронизывающую ее боль, понизив голос до шепота. – Вы думаете, я недостаточно хороша, да?

– Нет, утеночек, нет...

– Не называйте меня так! – выкрикнула Этта, выбегая из кабинета. – Вы что, не понимаете, у меня даже *друга* не осталось? Вы сказали: мне нужно сосредоточиться на дебюте. Я ото всего отказалась! У меня нет ничего другого!

Беспокойство прорвалось даже сквозь мамину злость, когда та бросила взгляд на Элис.

– Дорогая, это неправда...

Элис снова к ней потянулась, но Этте было не до этого – она не хотела даже смотреть на нее, не говоря уже о том, чтобы разговаривать.

– Этта... *Генриетта*, – попыталась Элис, но Этта не желала слушать, ее не заботило, что они хотели сказать.

– Я играю, – сказала она наставнице, – сегодня у меня дебют. Мне наплевать, что вы думаете и верите ли в меня... я в себя верю, и ничто в этом мире не удержит меня от того, чтобы сыграть.

Элис окликнула ее, но Этта повернулась на каблуках и бросилась назад по коридору, высоко держа голову и расправив плечи.

Позже она подумает обо всем, чем могла ранить женщину, практически выросшившую ее, но сейчас Этте хотелось чувствовать только тепло софитов на коже. В груди у нее трепетал огонь. Работать руками, смычком, скрипкой, пока не доиграешь себя до пепла и углей, отринув остальной мир – тлеть.

Перед тем как она опускала смычок на струны, всегда наступало мгновение, когда все вокруг будто бы выкристаллизовывалось. Она привыкла жить ради этого, ради этой секунды, когда все вставало на круги своя, и мир со всем, что в нем было, исчезал. Скрипка ложилась на плечо. Теплый свет вдоль края сцены растворял все существующее вне ее пределов.

Это не было одним из тех мгновений.

Взволнованная до паники Гейл встретила ее в коридоре и потащила за кулисы, когда гости уже начали заполнять зрительный зал.

– Вы же говорили, что я успею порепетировать! – прошептала Этта, почти спотыкаясь, когда они спешили по лестнице.

– Да, *двадцать минут назад*, – сквозь зубы процедила Гейл. – Сможешь сразу выйти на сцену? Разогреться придется в зеленой комнате.

От одной этой мысли паника закружилась в животе, но Этта кивнула. Она собиралась стать профессионалом, так что должна спокойно принимать любой сбой или изменения в планах. Какая разница, что она никогда не играла на этой сцене? Она сотни раз играла ларго. Ей не нужна Элис и ее отклик. Она докажет Элис, что справится.

– Отлично.

Мишель, куратор, отвечающая за Антониуса, встретила с ними в зеленой комнате. Этта поймала себя на том, что задержала дыхание, когда Антониуса вытащили из футляра и осторожно положили в ее руки. С осторожностью, с которой взяла бы только что вылупившегося птенца, Этта обвила пальцы вокруг длинного изящного грифа и с радостью приняла на себя вес и ответственность.

Не обращая внимания на Софию, темноволосую девушку, наблюдающую за нею из угла, Этта поставила смычок на струны и скрестила их. Выплеснувшийся звук получился теплым и золотым, как само дерево, из которого был сделан инструмент. Этта слабо усмехнулась, беспокойство скрылось в бурлении восторга. Ее собственная скрипка была красавицей, но эта – прекрасным принцем. Девушка чувствовала, как тает в каждой извлекаемой из нее ноте.

Она не готова к этому. Она не прошла соответствующую подготовку, и нет никакой гарантии, что этот путь ей подходит...

Этта закрыла глаза, стиснув зубы, чтобы удержать обжигающие слезы, поднимающиеся в горле, за ресницами. Какое она имела право кричать на Элис? Как могла подумать, будто ее мнение точнее мнения Элис, признанной во всем мире, обучившей десятки профессиональных скрипачей?

Настоящий маленький ураган вины, гнева и отчаянья бушевал в животе, выворачивая наизнанку.

Как там говорил Пирс? *Ты всегда выберешь игру вместо всего остального. Даже меня. Даже себя.*

Этта даже не могла поспорить – она приняла решение с ним расстаться. Она так его любила, что сердце до сих пор сжималось от одного лишь воспоминания. Девушка скучала по легкомысленному головокружению, которое испытывала, крадучись в ночи, чтобы увидеться с ним, по тому, как безрассудно и удивительно чувствовала себя, когда позволяла себе сбежать ото всех своих правил.

Но через год после того, как они стали больше, чем друзьями, она заняла второе место на конкурсе, от которого – как и все остальные – ожидала победы. И вдруг походы в кино и на концерты, посиделки у него дома и встречи у школы стали казаться потерянными часами. Она начала считать их, задумываясь, позволила бы Элис дебютировать ей с оркестром раньше, если бы она посвятила эти драгоценные минуты репетициям. Девушка углубилась в музыку, отдалившись от Пирса, ото всего, кроме скрипки.

Она отмахнулась от него, ожидая, что они снова могут стать просто друзьями и учениками Элис. Единственным способом пережить расставание было *сосредоточиться*, не думать о том, что никто не звонит и не пишет, что она прогнала единственного друга.

Всего несколько недель спустя она наткнулась в Центральном парке на Пирса, целующего девушку из его школы. Этта крутанулась на каблуках, чтобы уйти, а потом побежала по тропинке, по которой только что пришла, так явственно разрываясь на куски, что не поднимала глаз, почти ожидая увидеть вываливающиеся кишки. Но вместо того, чтобы позволить себе заплакать, отправилась домой и репетировала шесть часов без перерыва.

А теперь даже Элис в нее не верила.

Она должна попросить у Гейл минуту, секунду, чтобы привести в порядок голову и сердце. Вместо этого, когда женщина появилась, треща по телефону, Этта поймала себя на том, что следует за ней, вступая в поток мягкого голубого света на сцене. На нее накатилась глухая волна аплодисментов.

Не урони, не урони, не урони...

Этта нашла свою отметку и воспользовалась минутой, чтобы просто изучить скрипку, повертев ее в руках, проскользнув пальцами по изгибам. Ей хотелось утихомирить все вспенившееся в ней, пока она стояла в свете огней сцены; заморозить шипение недоумения и волнения, вспомнить вес и форму инструмента в руках.

Зал Грейс Рейни Роджерс музея Метрополитен был не самым роскошнейшим местом, где Этте когда-либо доводилось выступать. Даже в десятку не входил. Но был удобным и, что гораздо важнее, целиком принадлежал ей на несколько минут. Семь сотен лиц, скрытых тенями и отблесками огней высоко над головой, пульсировали голубым, напоминая ей океан с прогуливающимся по водной мостовой ветром.

Все это твое.

Аплодисменты стихли. Кто-то кашлянул. Кому-то пришла эсэмэска. Так и не погрузившись в спокойное глубокое сосредоточение, Этта почувствовала себя парящей на поверхности.

Просто играй.

Она нырнула в ларго, приостановившись только на успокаивающий вдох. Семьсот зрителей уставились на нее. Два такта, три такта...

Он напалз на нее медленно, просачиваясь сквозь сознание, словно свет, согревающий занавес. Сосредоточения хватило лишь на несколько секунд; звук, начавшийся шепотом, шипением радиопомех на заднем фоне музыки, внезапно взорвался резонирующим воплем. Криком.

Этта пробралась через несколько следующих нот, глаза неистово искали кабину техника, чтобы получить знак, останавливаться ли ей или продолжать. Зрители по-прежнему гладели на нее снизу вверх, словно ничего не слышали...

Этот звук был не из тех, что мог бы воспроизвести человек, не надорвав инструмент.

Мне остановиться? Начать сначала?

Она скрестила струны и смазала следующие три ноты, и ее пронзило беспокойство. Почему никто ничего не делает с этим звуком – с визгливым резонансом. Он врзался в ее барабанные перепонки, перетягивая внимание. Все тело Этты, казалось, свело судорогой, из-за подступающей тошноты над верхней губой выступили бисеринки пота. Словно... словно кто-то водил ножом по задней части ее черепа.

Воздух завибрировал вокруг нее.

«Остановите, – подумала она в отчаянии, – остановите это».

Я испортила...

Элис была права...

Этта не подозревала, что вообще перестала играть, пока на краю сцены не появилась Гейл с белым лицом и широко раскрытыми глазами. Прижав лицо к руке, Этта попыталась перевести дыхание, перебарывая ощущение, что легкие сжались. Она не могла смотреть за зрителей. Не могла искать глазами Элис или маму, наверняка в ужасе наблюдающих за ней.

Тошнотворная волна унижения захлестнула грудь, шею, лицо, и впервые за почти пятнадцать лет выступлений Этта повернулась и убежала со сцены.

Преследуемая звуком, изгнавшим ее.

– В чем дело? – спросила Гейл. – Этта? Ты в порядке?

– Резонанс, – пробормотала она, почти не слыша себя. – Резонанс...

Мишель, куратор, проворно выдернула Антониуса из ее рук, прежде чем она его выронила.

– Никакого резонанса, – проговорила Гейл. – Позволь мне предложить тебе стакан воды... и найдем тебе местечко...

Это неправильно. Взгляд Этты метнулся вокруг, ища лица других скрипачей. Они бы услышали...

Только они явно ничего не слышали. Звук резонанса и собственное колотящееся сердце заполняли молчание скрипачей, встречавших ее взгляд пустыми лицами.

Я не сошла с ума, не сошла...

Этта сделала шаг назад, чувствуя себя зажатой в ловушке между их жалостью и стеной звука, волнами обрушивающегося на ее спину. Паника всколыхнула в горле обжигающую желчь.

– Идите! – лихорадочно сказала Гейл одному из пожилых мужчин. – Да выходите же!

– Я позабочусь о ней.

Темноволосая девушка, София, вышла из зеленой комнаты, протягивая к Этте руку. Она не представляла, как нетвердо стоит на ногах, пока Гейл не отпустила ее, и ей не пришлось опереться на незнакомку, бывшую на целую голову ниже нее.

– Я... я в порядке... – пошатываясь, пробормотала Этта.

– Нет, не в порядке, – возразила София. – Я тоже его слышу. Пойдем!

Самым простым объяснением было то, что она сломалась, поддалась волнению и страху, но... кто-то тоже это слышал.

Для нее, как и для Этты, звук тоже был живым и настоящим, и девушка чуть успокоилась: она провалилась не из-за старого страха перед публикой, наложившегося на недоверие Элис.

Этта подумала, всего на мгновение, что расплатится от облегчения.

Звук перемещался, словно обжигающие ножи под ее кожей, пока София ловко тащила их через темное закулисье и боковой выход, который вывел их прямо в тихий полумрак музея, ко входу в Египетский зал.

«Подожди, – хотела сказать Этта, но рот, казалось, не поспевал за мыслями. – Куда мы идем?»

– Он идет оттуда, – дергая ее вперед, сказала София.

Этта сделала шаг в сторону Египетского зала, и звук стал интенсивнее, завибрировал сильнее, словно она крутила ручки настройки радио, пока не поймала сигнал. Еще один шаг, и звук снова повысился до неистовства.

Как будто заволновался, что она обратила внимание.

Как будто хочет, чтобы я его нашла.

– Что это? – спросила она, слыша, что ее голос дрожит. – Почему больше никто не слышит?

– Так давай выясним... Этта, верно? Пошли!

В темноте Метрополитен казался другим, сменившим кожу. Без привычной толкотни посетителей, забивающих коридоры, даже тихий звук казался громче. Тяжелое дыхание. Шлепанье обуви. Вокруг ее ног и лодыжек обвивался холодный воздух.

«Где? – думала она. – Где ты?»

Что ты такое?

Они шли под пристальными взглядами фараонов. Днем, в рабочие часы музея, эти комнаты излучали золотистый свет, как прогретый солнцем камень. Но даже кремовые стены и известняковые ворота теперь оказались в тени, их бороздки углубились. Раскрашенные лица саркофагов и богов с головами зверей казались резче, насмешливей, когда девушки петляли между экспонатами.

Перед ней, выбеленный прожекторами, стоял храм Дендур. Массивная стена из окон, а дальше – темнота. *Не там.*

София потащила ее мимо бассейнов с чистой водой возле храма, и они побежали мимо статуй древних царей, мимо ворот и здания храма, через маленький сувенирный магазинчик, соединяющий эту секцию музея с Американским крылом. Ни экскурсоводов, ни охранников, ни рамок металлоискателей; не было ничего и никого, что могло бы их остановить.

Ничего и никого, кто мог бы ей помочь.

«Найди маму и Элис, – подумала она. – Иди домой».

Но она не могла – она должна была знать. Ей необходимо... необходимо...

Кровь отхлынула от головы, пока она не почувствовала головокружение и легкость, словно у пылинок, плававших вокруг.

Она словно бы очутилась во сне: залы размывались по краям, пожирая позолоченные зеркала, роскошные деревянные сундуки и стулья. Тени играли с дверными проемами, приглашая ее внутрь, поворачивая к одной из аварийных лестниц. Звук начал стучать, барабанить, звать громче, и громче, и громче. Пока Этта не подумала, что ее череп вот-вот расколется...

Оглушительный выстрел перекрыл даже резонанс, заставив Софию затормозить. Этта подскочила от неожиданности. Тревога щелкнула по нервам; завоняла чем-то горелым, почти химическим.

Сначала девушка увидела кровь, зазмеившуюся по плитке к ее ногам.

Потом – молочно-белые волосы.

Искореженное тело.

Этта кричала, кричала, кричала, заглушая пульсирующий резонанс.

Она протолкнулась мимо ошарашенной Софии к телу на холодных плитках – рыдания, вспенившись, застряли у нее в горле – и опустилась на колени рядом с Элис.

Дышит, жива, дышит...

Бледные глаза Элис рассеянно скользнули по ней.

– ...Утеночек?

Из ее груди брызнула кровь, разбрызгиваясь веером из-под Эттиных рук, когда та прижала их к ране. Мозг начал отключаться от паники.

Что случилось? Что случилось?

– Вы в порядке, – сказала Этта Элис, – в вас...

– Стреляли? – спросила София, перегнувшись через плечо Этты. В ее голосе появилась дрожь... страх? – Но кто?

С другого конца коридора до них долетел крик. Трое мужчин в смокингах, один из них – мужчина в очках, с которым она столкнулась в большом зале, сопровождаемые охранником, казалось, приближались к ним в замедленной съемке. Аварийная лампа рядом с ними выхватила блик очков.

– Звоните «911»! – закричала Этта. – Кто-нибудь, помогите, пожалуйста!

Ее руку тихонько сжали. Этта посмотрела вниз, когда глаза Элис закрылись:

– ...Старик... знакомые места... беги....

Новый вздох получился прерывистым, а следующего уже не было.

Из горла Этты вырвался беззвучный крик. Чьи-то руки обернулись вокруг талии девушки, поднимая ее с пола. Она сопротивлялась, вырываясь из захвата.

Реанимация... Элис нужна помощь... Элис...

– Надо идти! – крикнула ей София прямо в ухо.

Какого черта тут происходит?

Дверь на лестницу прямо за ними со скрипом открылась. Распушенные волосы парили вокруг лица Этты, прилипая к потным щекам и шее.

По сравнению с остальным зданием лестница была так ярко освещена, что Этте пришлось заслонить лицо руками.

Жужжание... словно пустой воздух на краю лестничной площадки, прямо над ступеньками, двигался, вибрируя, в такт со звуком, мерцал жаром тротуаров в нестерпимо знойный день. Стены клонились к плечам.

– Прости, ничего не поделаешь.

Ее пихнули вперед, и мир пошатнулся. Тьма заволокла глаза, стискивая спину, таща, подкидывая в воздух с сокрушительным напором. Этта лишилась чувств, логики, даже мыслей «остановитесь, помогите, мама» – лишилась всего.

Она исчезла.

Этта упорно не всплывала обратно в реальность, пока не врезалась в нее.

Часы, дни – она не была уверена – маленькую вечность спустя ее глаза открылись. Давление на грудь мешало дышать. Когда она попыталась сесть, открывая путь легким, затрещали суставы. Руки и ноги свело, когда она попыталась потянуться, прочувствовать тьму – ее стукнули чем-то тяжелым и твердым.

«Дерево, – подумала она, признав ударивший в нос запах. – Рыба».

Закашлявшись, она заставила себя открыть глаза. Небольшая комната. Деревянный пол сильно накренился вправо, словно кто-то приподнял одну сторону.

Когда перед глазами перестали мелькать яркие искры и она привыкла к темноте, Этта подтянула ноги и приподнялась, сев на... Что это? Большая люлька, двухъярусная кровать, встроенная в пол, крепилась к стене.

Музей... Что происходит?

Там был какой-то... какой-то взрыв.

Где холодные плитки лестничной клетки? Где пожарная тревога? Ее сердце билось в горле, трепеща, словно отчаявшееся животное. Мышцы будто бы были вырезаны из дерева. Она протянула руку, пытаясь унять жжение в глазах, стереть черные пятна, все еще плавающие перед ними.

Элис. Где Элис? Она должна добраться до Элис...

Искаженный гул в ее ушах прорвался, как первый шлепок дождя из грозовой тучи. Вдруг Этту залило звуком. Скрип, стоны, звук шагов, хлопки взрывов в воздухе. Крики...

– ... *Вперед*...!

– *За мной*...!

– ... *Шлем*...!

Слова обрели форму, нанизываясь, как расстроенные струны, сокрушительные цимбалы. Комнату заполнял серебристый дым.

Это не лестничная клетка, не один из кабинетов Метрополитена. Стены оказались панелями из темной необработанной древесины. Повернувшись, она разглядела очертания стула и села, сложив руки над головой.

– Есть тут кто? – проскрипела она, подавшись вперед на нетвердых ногах. Она снова испытала потрясение, ощутив грубую ткань на своих руках и ногах. Впервые с тех пор, как она очнулась, адреналин замедлился до полной остановки.

На ней было другое платье...

Длиной в пол, какого-то светлого оттенка, который Этта не могла разобрать. Девушка провела пальцами по лифу, в недоумении прослеживая вышивку. Платье давило в плечах и груди, сковывая движения.

– Ой!

Девичий голос. Фигура в кресле пошевелилась, поднимаясь на ноги. Трепещущее воспоминание мелькнуло у Этты в голове. *Девушка*. Девушка с концерта. Этта метнулась вперед, отпихнув ее в сторону, чтобы добраться до луча света, который увидела прямо за нею, – до двери.

Она толкнула меня на лестнице, пихнула вперед... Как только первое воспоминание встало на место, подтянулись и остальные.

– Нет... нет... нам надо оставаться здесь! – прокричала девушка. – Пожалуйста, послушай меня...

Эттины пальцы побежали вдоль стены, пока не нашли задвижку, и она вырвалась из тесной темной комнаты. Навстречу ей поднялось густое облако дыма, свет залил глаза, отбеливая мир до болезненно-белого. Этта вновь почувствовала руки на спине и еще сильнее рванулась вперед, продвигаясь сквозь дым, пока не споткнулась обо что-то и не кувыркнулась вниз.

Не думай, просто иди! Этта поднялась и тут же остановилась. Ее широкие белые юбки раскинулись по лежащему на спине человеку.

– Извините, я... – она задохнулась, подползая, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке. – Вы...

Бледно-голубые глаза уставились в потолок, потрясение и боль скрутили лицо в жесткую маску. Дорожка блестящих пуговиц на нелепом старомодном плаще разошлась, рубашка под ним была забрызгана... забрызгана...

Боже мой!

– Сэр? – надтреснуто проговорила Этта. Он не шевелился. Не моргал. Девушка посмотрела вниз, из головы вылетели все мысли, когда она разглядела в темноте жидкость, покрывающую ее кожу, грудь, живот, платье.

Кровь. Ее белоснежная юбка пропиталась густой алой кровью. Она ползла по крови этого мужчины. *Я ползла по его крови.*

Что это?

Этта поднялась на ноги, прежде чем успел включиться разум, и направилась в сторону источника света сверху. Дым потянулся задушить ее, плотно обвиваясь вокруг шеи. Стекланные фонари вокруг взорвались, словно бледные фейерверки. Она продолжала идти на свет, пока не ударилась обо что-то коленями, – лестница. Вцепившись пальцами в юбку, Этта подоткнула толстые складки вокруг талии и устремилась наверх, не обращая внимания на то, что плачет, просто ища свежий воздух и выход из этого кошмара.

Вместо этого угодив в другой.

Атлантика

1776

2

Ад и проклятие – только не этот чертов колокол!

Николас развернулся, врезая кулаком по ближайшей физиономии, попытавшейся преградить ему путь. Дело было в кусках – горячих, дымящихся обломках, разбросанных по палубе. И, к несчастью, в различных частях *тел*, разметанных взрывом гранаты.

Находясь в самой гуще событий, было не составить верную оценку того, сколь жестоко артиллеристы «Челленджера» обошлись со своим трофеем. Теперь, когда первая – абордажная – волна драки схлынула, Николас смог сам наспех определить состояние и «Челленджера», и захваченного судна, рассмотреть каждое повреждение, нарушавшее внешнее совершенство корабля. Все три мачты пока стояли, вопреки принятому удару, но бизань, ближе к корме, дрожала и покачивалась от самого слабого ветерка, словно пьяница. Паруса оказались порваны и пробиты, но их-то его команда могла быстро заменить. Как только, разумеется, экипаж захваченного судна сдастся.

Николас двигался вместе с кораблем, ловя лицом соленые брызги. Главное, отметил он, корабль, насколько можно было судить, не набирал воду. Артиллеристы не били ниже ватерлинии, а значит, им удалось вывести корабль из строя, не разрушая его.

Николас заставил себя не поддаваться ветреному чувству, будто победа находилась на расстоянии вытянутой руки и, прежде чем день сменится ночью, он – капитан трофейного судна – поведет свой первый корабль обратно в порт.

Наконец-то он сможет освободиться от своего прошлого.

И все же... чертовы идиоты могли бы сперва спустить флаг. Избавили бы каждую сторону от кровавой игры, а плотников – от безбожной головной боли. Как жаль, что мореплавание – одно из немногих занятий, где человека превозносят за поражение, если только он потерпел его мужественно.

Корабль – *мой корабль*, упрямо подумал Николас, ведь он станет таковым, как только его офицеры признают неизбежный факт поражения, – был прекрасен, вид портили лишь повреждения, нанесенные «Челленджером» и абордажной командой. Трехмачтовый, с прямым парусом на фок-мачте, с грот-мачтой, несущей большой косой грот и прямые грот-марсель и брамсель над ним. Заметив вдали паруса и британский флаг, «Челленджер» тут же акулой лег на курс. Быстрая изящная шхуна устремилась за своей жирной добычей. Со скоростью на их стороне едва ли имело значение превосходство противника в пушках: шестнадцать к двенадцати. После недель тщетной охоты в водах Вест-Индии торговое судно являло собой лакомый кусочек для команды «Челленджера», но было также той самой целью, которую его наняли выследить и захватить.

Он не желал признавать настоящую причину, почему они прочесывали море в погоне за этим кораблем. Айронвуд искал двух пассажиров.

Внезапный порыв воздуха за спиной, брызги горячего соленого пота на коже – Николас тяжело нырнул вправо, стукнувшись плечом в дерево, когда томагавк просвистел за его головой.

Пушечный дым вытеснил воздух, едва корабли обменялись бортовыми залпами, а жалкий дневной бриз не желал уносить его прочь, чтобы проветрить поле боя. Продолжавшаяся

схватка казалась бессмысленной – удача явно благоволила нападающим. Николас попытался найти драгоценный трофей в постоянно растущей волне тел и крови, омывающей палубу.

Матрос с томагавком пробирался вперед сквозь хаос лязгающей стали и оглушительных выстрелов кремневых пистолетов.

Дерево под ним взбрыкнуло, когда Эфтон, из команды «Челленджера», упал в нескольких дюймах от Николаса с грудью, изрешеченной свинцовыми шариками, и маской оскорбленного неверия на лице.

Пока Николас нащупывал оружие, гнев прокатился по нему, раскалив до самого нутра. Его пистолет уже выстрелил, времени перезарядиться не было. Можно, конечно, бросить его и оглушить человека, но это стало бы пустой тратой чертовски хорошего оружия. Николас выхватил нож с рукояткой из резного оленьего рога из клубка кем-то срезанного такелажа, и его положение заметно повеселело.

Низкорослый крепкий матрос с томагавком, крича, бросился к нему, глаза его остекленели, лицо блестело от пота и сажи. Николас знал этот взгляд, когда внутри разгорается жажда крови и ты растворяешься в дробном ритме старого доброго боя.

Его правое плечо вспыхнуло болью, когда он поднял незаряженный пистолет, делая вид, что прицеливается. Серый лучик света выхватил дуло в руках Николаса. Матрос так быстро остановился, что из-под него чуть ноги не выскользнули, и оказался так близко от Николаса, что тот учуял едкий запах пота и пороха и увидел, как ноздри противника раздуваются от удивления. Моряк всего на мгновение ослабил хватку на томагавке, и Николас метнул нож, почувствовав мрачное удовлетворение, когда ему послышался хруст, с которым нож пронзил мясистую шею матроса.

Бой, наконец, поутих: большинство осознало неизбежность поражения. Тела отяжелели, патроны иссякли; где раздавались крики, воцарилась тишина. Нож вонзился в бок матросской шеи – должно быть, он повернулся прямо перед ударом. Чем обрек себя на страшную долгую смерть – захлебываться в собственной крови. Николас, привычно балансируя на качающейся палубе, склонился над ним.

– Меня посылает... к... дьяволу... – Глаза матроса сузились в последнем проблеске неповиновения, пока он задыхался и харкал, – сраный... *ниггер*.

Вместе с последним словом его жилет окропила кровь. Жар испарился из-под кожи Николаса, оставив в груди лишь холодный алмаз ярости. Его называли и хуже, били за то, что родился не с той стороны одеяла у женщины в оковах. Возможно, в этом и заключалось разительное отличие победы от поражения.

Сейчас его жизнь считалась ценной и значимой. На корабле твое происхождение значило меньше, чем то, какую работу ты готов делать; насколько ожесточенно дерешься за своих людей. Николас давно решил смотреть на горизонт будущего, не оборачиваясь через плечо на то, что оставил позади.

Только... эти слова матроса. И то, как его рычание скрутило слово в нечто омерзительное. Николас крепко взялся за рукоятку ножа, вдыхая кислотоватый смрад дыхания мужчины, склонившись над его лицом.

– *Старший по званию, сэр*, – сказал он и перерезал матросу горло.

Николас никогда не радовался смерти и не наслаждался ею, но все же наблюдал, как последняя краска покидает лицо матроса и кожа становится восково-серой.

– Лучшая смерть, чем я бы ему дал.

Капитан Холл стоял позади него, обозревая стихающий бой, прижав ко лбу грязную тряпку. Когда он убрал ее, чтобы получше разглядеть Николаса, из раны на густую бровь брызнула кровь.

Николас сглотнул образовавшийся в горле комок.

– Да, – сказал он, – но мне никогда особенно не нравилось глазеть на человеческие внутренности.

Капитан загоготал, и Николас вытер нож о штаны, подходя к высокому мужчине. Он знал, что и сам высок, широк в плечах, силен – годами тянул канаты и грузы, – но капитан, казалось, был высечен из скалистых берегов Род-Айленда.

Николас восхищался капитаном Холлом с тех пор, как они встретились почти десять лет назад, – другие моряки называли его Рыжим Дьяволом. Сейчас остатки прежнего цвета сохранила только борода. С годами морщины на лице углубились, несколькими зубами и пальцами пришлось пожертвовать, но Холл держал в порядке и себя, и корабль, следя, чтобы экипаж был сыт и оставался при деньгах. В их деле лучшего ждать не приходилось.

Капитан посмотрел на Николаса с бессознательной отцовской заботой. Ник потратил несколько лет, пытаясь отвадить Холла, но потом смирился с неизбежным.

– Не похоже на вас – подпустить кого-то так близко, – сказал Николас, кивнув на рану. – Позвать врача?

– И признаться, что юнга подловил меня, когда я спускался вниз? Злобный мелкий шельмец. Уж лучше я сварюсь в масле.

Николас фыркнул:

– Вы нашли женщин?

– Да, они в одной из офицерских кают на корме. Целые и невредимые, голубушки, – сказал он.

Вытесняя злость от последних слов умирающего матроса, Николаса охватило облегчение.

– Эта работа... – начал капитан уже в пятый раз за день. – Должен признаться, Ник, я благодарен за трофей и груз, но чувствую себя неловко. Я бы предпочел, чтобы ты не имел ничего общего с Семьей. Кажется, это больше, чем просто перевозка до Нью-Йорка.

Конечно, так оно и было; с этой семьей всегда так. Записка Айронвуда прибыла через несколько дней после долгожданно каперского свидетельства, пришедшего нанимателю Николаса, «Морским перевозкам Лоу и Лоу», разрешая кораблю Холла официально – по крайней мере с точки зрения колоний – заниматься каперством и охотиться на британские корабли. У него было меньше недели, чтобы рассмотреть предложение, донести его до Холла и попросить согласия на поиски этого судна и его пассажиров. Они согласились скрыть правду об их целенаправленной охоте, чтобы не посвящать экипаж в дела Айронвуда. Николас не спешил соглашаться на условия семьи, все время оценивая, не уловка ли это, придуманная, чтобы заманить его в айронвудовы сети для последнего акта мести.

Но... прошло уже три года. Они точно знали, где его искать, – сами же сюда сослали. Наверняка пришли бы раньше, если бы жаждали мести?

Он свыкся с неопределенностью и был готов сражаться, защищая себя, если до этого дойдет. Но голые факты говорили сами за себя: Айронвуд предлагал хорошую работу, а награда могла бы помочь ему достичь цели всей жизни гораздо быстрее, чем каперство.

Аккуратные, тщательно выведенные слова соскакивали со страницы. *Привези двух женщин в Нью-Йорк к 21 сентября. С кораблем и грузом делай что хочешь.*

Он провел три года на службе у «Лоу и Лоу», перевозя товары из Вест-Индии в колонию, пока не началась война, и все это время заставлял себя закрывать часть сердца, ноющую от любых мыслей о Джулиане и путешествиях. Николас надеялся, что месье Лоу сделает его капитаном собственного капера, но заметил, с каким неудовольствием, приправленным смущением, старик с сыном изучают его, когда капитан Холл предложил это первым. Служил он им исправно и понимал, что они осторожничают не из-за того. Нет, он был недостойн сам по себе – цветом кожи не вышел. Их колебания лишь оживили его желание купить собственный корабль, не связанный ни с какой компанией.

Пока, сколько бы ни стоил захваченный груз, Лоу получил бы большую часть, а остальное распределили бы среди экипажа «Челленджера». Мог бы пройти не один месяц, прежде чем им достался еще один трофей.

Океан был огромен и широк, и судоходные компании все изворотливее уходили от каперов, – возможно, скоро каперству конец, и Николасу останется едва сводить концы с концами, скупаясь и экономя, пока его сердце не остынет, а кости не одеревенеют. Он ненавидел Айронвудов с неистовством урагана, но они задолжали ему украденное у него время. И он намеревался вернуть его себе.

– Вы посмотрели груз? – спросил Николас.

Холл вздохнул, распознав отвлекающий маневр:

– Глянул кое-где.

Прорвавшись сквозь облако дыма, перед ними возник матрос, крича и улюлюкая, размахивая кортиком над головой. Николас повернулся – рука на ноже, – но не успел разобраться, что к чему, как капитан выхватил пистолет и выстрелил.

– Сахар, ром, хлопок, боеприпасы для балласта, – блаженно продолжил Холл. Мертвый осел в пятне крови. – Даже жутковато, насколько удачно все разыгралось: у тебя есть твои дамочки, а у нас – по изрядной доле добычи на каждого. У них даже оказалась переборка в трюме, чтобы держать пленников. Кстати говоря, я еще не видел никого, кто мог бы сойти за капитана. Почему бы тебе не пойти и не найти его, чтобы покончить, наконец, со спуском фла...

Николас не видел такого ошеломления на лице своего капитана с того времени, как их бывший кок объявил, что подал экипажу тушеную крысу вместо солонины.

Он проследил за его взглядом. Там, между рычащих друг на друга матросов, с нижних палуб поднималась светловолосая фигурка, пробиваясь через клубящийся дым, словно Персефона, возвращающаяся из подземного мира.

Николас вздрогнул, когда девушка врезалась в голую, покрытую шрамами спину бомбардира, но та не закричала, даже когда Дэвис обернулся с топором в руке, готовый выпотрошить ее на месте. Это *его* испуганный вскрик привлек внимание всех вокруг, будь он проклят...

Не София – он знал, что, кроме нее, будет другая женщина, но кто же *эта*...?

– Бедная голубка измяла перышки, – проговорил за его спиной капитан Холл. Несмотря на реки крови под ногами и разметанные вокруг тела, его лицо смягчилось, как у котенка. Старый хрыч ничего не мог с собой поделаться в присутствии юных дам, особенно в бедственном положении. Как эта. Белое платье было разорвано на бедре... и окровавлено?

– Она ранена, – резко сказал Николас. – Какого черта она делает?

Девушка повернулась в сторону Николаса, словно услышав его слова.

Он должен был кинуться вперед и выхватить ее из этой мешанины крови и насилия, но казалось, всю палубу... да что там – весь океан сотрясло громом. Капитан Холл наткнулся на него, удивленно заворчал.

Девушка попятилась от них, пока в конце концов не врезалась в фальшборт, идущий по краю палубы, и отступать стало некуда. Ее глаза заматались, потом остановились на ближайшем гарпуне. Не раздумывая, она схватила его с палубы, закричав:

– Отойдите от меня!

Стоило Николасу увидеть ожесточенное выражение ее лица, когда она в отчаянии взмахнула оружием, как его тело внезапно почти болезненно сжалось. Густые волосы белого золота, густые брови, глаза с почти кошачьим разрезом. Длинный нос, уравновешивающий благородный изгиб губ. Узнавание накатило на него, словно тягучий теплый мед. Она была, одним словом...

Нет. Ничего подобного, не сейчас. Опасные мысли. Но он мог оценить, что она, очевидно, была бойцом, – хотя казалось, сама себе удивлялась, беспокойно глядя то на оружие в

руках, то на два десятка пляющих на нее мужчин. Последние нерешительные драки стихли на полувзмахе, сменившись оторопелым потрясением от ее неожиданного выхода. Резонно, подумал Николас. Один вид ее, окровавленной и свирепой, словно королева на поле боя, казался чуднейшим. Он говорил с самой его кровью, заставляя ту петь о своих секретах. Она была...

Работой. Николас покачал головой, затапывая пламя, охватившее его грудь. *Оплатой задолженности за оказанные услуги.*

Резкий оглушительный треск пробился через слабый гул в ушах; взгляд Николаса метнулся вверх, к корме. Бизань-мачта, как он и опасался, наконец сломалась под тяжестью собственного веса.

Время замедлилось. Николас закричал, скорее испуганно, чем предупреждающе, когда дерево расколосось и паруса рухнули друг на друга, затрепетав в агонии. Ванты, поддерживавшие мачту, лопнули, словно их срезал сам Господь, и все вместе: брамсель, стеньга, такелаж, металлические скобы – рухнуло на них.

Николас побежал.

Моряки, увернувшиеся от сотрясшей палубу мачты, не успели отскочить от клубка парусов и вант. Капитан Холл проревел:

– Девчонка! Найдите девчонку!

Матросы обеих экипажей набросились на обломки с топорами и мечами, прорубаясь сквозь них, ища под завалами. Николас не дал себя обмануть. Она стояла рядом с тем местом, где мачта врезалась в фальшборт, но не на ее пути. Ее не задело, только отшвырнуло назад...

Юноша перегнулся через леер, вглядываясь в темную воду между корпусами двух кораблей, и – да, там разглядел белое кольцо, означавшее, что что-то упало, ударившись о поверхность, и быстро пошло ко дну.

– Ник! – услышал он крик капитана, уже сбросив сюртук, жилет и прыгая в море.

Ледяная вода вобрала его, украв дыхание. Солнечный свет пробивал толщу воды, бросая теплые отблески на обломки и тела, медленно погружающиеся на дно океана. Николас тут же подумал об акулах.

Однако здесь было достаточно мяса, чтобы эти твари наелись, прежде чем захотели бы попробовать его на вкус. С этой не слишком утешительной мыслью моряк нырнул глубже. Холодная вода жгла мышцы; он увидел ее, прежде чем успел вознести молитву о помощи.

Должно быть, обессилев от борьбы на палубе, девушка теперь неуклонно погружалась вниз, вялая, словно водоросль, подхваченная течением. Он сразу же увидел, в чем беда. Ее ноги и платье запутались в сетке, обмотавшейся вокруг тяжелого обломка корпуса, руки поднялись над головой, словно по-прежнему тянулись к поверхности.

Николас снял нож, ринувшись спиливать сеть, платье – только что не кожу. В груди стало тесно – словно она вот-вот лопнет – от желания вдохнуть. Освободив девушку, Николас обвил ее руками и толкнул их обоих вверх, из последних сил и чувств неистово молотя ногами.

Вырвавшись на поверхность воды, Николас жадно втянул несколько глотков соленого воздуха, закашлявшись водой, которой нахлебался, желудок трясло от незнакомого ему ранее приступа страха. Юноша поднес руку к ее щеке, по-прежнему молотя ногами, чтобы удерживаться на поверхности. Дрожь ужаса пробежала по его спине, когда он почувствовал, насколько холодна ее кожа.

Голос Холла прогудел над остальными:

– Ник! Хватай веревку!

Он ловко поймал петлю и обмотал вокруг них обоих. Преодолевая скользкий страх в животе, строго заговорил с девушкой:

– Вы *не* умрете, – приказал он ей. – Я категорически запрещаю. Не на моем корабле, слышите меня?

Потеряв эту девушку, он потеряет все.

– Раз-два – дружно! Раз-два – дружно! – командовал Холл. – Уже почти!

Николас поддержал ее рукой за спину, пока их подтаскивали на уровень фальшборта, и повернулся, чтобы упереть в него ноги, защищая от ударов. В чем дело, почему она сбежала? А эта кровь... она ее?

Его плечи сжало с полдюжины крепких рук, и их с девушкой втащили на палубу корабля.

Николас откатился как раз вовремя, чтобы не приземлиться на нее. Голова отскочила от грубой древесины с резким *треском*, на одно жуткое мгновение в глазах все потемнело.

– Помощник врача позаботится о ней, – перед Николасом всплыло лицо капитана Холла.

– ... деваха-то откинулась? – спросил кто-то.

Николас дрожал, как флаг в шторм, но заставил себя сосредоточиться на ритмичном чередовании хриплых вздохов и выдохов. Вокруг маячили взволнованные перепачканные лица матросов обоих кораблей, все с болезненным интересом сновали вокруг девушки. Зрелище заставило мужчин забыть свои распри, а его экипаж забыл о том, что должен был держать пленных в трюме.

Движение отвлекло его от этой мысли. Глаза метнулись туда, где маленькая фигурка в темно-синем сюртуке встала на колени рядом с девушкой, с усилием надавливая на ее живот руками. Простая свежая одежда; темные волосы идеально зачесаны назад и собраны в хвост на затылке; лицо как у ребенка – Николас не доверял никому, кто мог оставаться таким чистым на корабле посреди драки. Это говорило о малодушии.

– Полегче, Ник, – сказал Холл, помогая ему сесть, – это всего лишь помощник врача на этом корабле.

– Где Филипс? – требовательно спросил Николас. – Или врач этого корабля?

– Филипс пошел в трюм, чтобы позаботиться о тамошних. Их врач лишился нижней половины туловища. Боюсь, он не сможет выполнять свою работу – слишком занят умиранием.

Николас покачал головой, отказываясь верить, что за девушкой будет ухаживать ребенок.

– И давно он из ходунков вышел? Год?

Капитан Холл приподнял бровь:

– Держу пари, так же давно, как и ты.

Николасу не понравилась бесцеремонность, с которой юнец разрезал и распахнул ее платье...

– Вижу, даже не потрудился снять обувь и чулки, – продолжал капитан, штормово-серые глаза сверкали от удовольствия. – Сиганул, словно гончие дьявола наступали на пятки.

Николас сердито посмотрел на Холла, прекрасно чувствуя мокрые чулки и безнадежно раскисшие ботинки.

– Я и не знал, что теперь позволено давать леди утонуть.

Его слова были забыты, когда Николас краем глаза уловил движение. Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как помощник врача поднял кулак и с размаху опустил его вниз – ей на живот.

– Сэр! – Николас, покачиваясь, вскочил на ноги. – Как вы смеете?

Девушка сильно закашлялась, ее спина выгнулась, а из легких исторгся фонтан воды. Длинные бледные пальцы царапнули палубу, зажмурившись, она сделала несколько судорожных вдохов.

Николас прищурился, когда помощник врача успокаивающе положил руку на ее голое плечо.

Все молчали, даже капитан Холл казался изумленным неожиданным возвращением из страны мертвых. В самом деле, Персефона.

– Мэм, – с коротким поклоном выдавил Николас. – Как вы?

Ее веки задрожали, и она снова опустилась на спину. Волосы, теперь темные от воды, прилипли к голове.

Матросы, все как один наклонившиеся вперед, чтобы посмотреть на нее сверху вниз, были вознаграждены взглядом широко раскрытых светло-голубых, как небо над ними, глаз.

– Хм, – хрипло выдавила она. – О'кей?

3

На Этте не осталось ни живого, ни сухого места; боль, разрывавшая голову, не могла ослабить удушливого запаха крови, пота и чего-то еще, по запаху похожего на фейерверки.

Девушка переводила взгляд с лица на лицо – вязаные шапки, кривые и потертые парики, влажные глаза, незаметно вытертые о плечи, – и ее разум начал соединять все это воедино, как если бы она читала с листа новое произведение. Ноты складывались в такты, такты – во фразы, пока, наконец, ее не пронзила мелодия целиком.

Она была не в музее. Значит, спасатели, очевидно, вынесли ее на улицу, подальше от странного буйства шума и света. Ее кожа, волосы и платье промокли насквозь из-за... из-за системы пожаротушения, сработавшей в музее, верно? А одежда... может, в соседнем здании шла какая-то пьеса и актеры выбежали помочь? Девушка не была уверена – что там пожарные носят под формой? «Нет, Этта, – подумала она, – они точно не носят ни свободных белых сорочек, ни ботинок с пряжками, ни шляп из “Театра шедевров”». Значит... пьеса. Театральная постановка. Их тоже накрыл взрыв... нападение или что там случилось; но какой прекрасный грим – они как настоящие.

Мама? Этта зашевелила было губами, но горло оказалось словно выскобленным лезвием.

Элис. В Элис стреляли... Элис была... она...

Мертва.

Этого не может быть. *Бред* какой-то.

Она подняла дрожащую руку, чтобы стереть раздражение, унять жар, скопившийся за ресницами. Небо широко раскинулось над нею, не заслоняемое ни одним зданием. Они что, в парке? Дым по-прежнему стоял такой невыносимый, что Этта никак не могла уловить знакомую смесь городских выхлопов и прогоркло-сладковатого запаха гниющего мусора. Никаких сирен, сигнализации, только... скрип дерева. Плеск воды. Земля под нею подпрыгивала и перекатывалась.

Да, ты не в Метрополитене.

Этта потрясла головой, пытаясь прочистить ее и унять панику.

Ты не в Нью-Йорке.

Боже, что она успела навоображать: какая-то тесная комната, тело, кровь, оглушительный треск, падение...

– Мэм, – произнес сиплый голос, – как вы?

Вытянув шею, Этта заозиралась вокруг, глаза слезились от яркого солнечного света. Она не видела ничего, кроме кольца перепачканных лиц, пока от группы не отделились две высокие фигуры. Один, мужчина средних лет, носил оливковый плащ. Его рыжие с проседью волосы были завязаны сзади, у основания шеи. Он улыбнулся, обнажив желтые зубы.

Что-то блеснуло в его глазах, когда он обернулся посмотреть на стоящего рядом юношу. *Том* был высок, даже по сравнению с гигантом подле него, и крепко стоял на ногах, несмотря на легкое покачивание палубы. Он слегка поклонился, лицо исчезло, но Этта уже его видела, и одного раза оказалось достаточно, чтобы запечатлеть черты в памяти. Кожа рыжеволосого мужчины была розовой на переносице и щеках, явно загорелой и обветренной, кожа юноши – глубокого, расцелованного солнцем коричневого цвета. Со стороны казалось, словно он подсвечивается изнутри теплым сиянием пламени. Издалека его лицо поразило Этту будто бы вырезанной из камня твердостью и невозмутимостью. Но за мгновение до того, как он выпрямился, вся сила его пристального взгляда навалилась на нее, и у девушки появилась секунда на то, чтобы и его рассмотреть: увидеть тонкие шрамы на скулах, порезы на давно небритом подбородке – жизнь явно юношу не баловала. Успеть увидеть призрак улыбки.

На две неловкие секунды позже, чем следовало, Этта поняла, что все ждут от нее какой-то реакции.

– Хм, – удалось выдать ей. – О'кей?

Некоторые мужчины зашаркали, выглядя довольными. Многие казались обескураженными.

– Фока-рей? – повторил один из них, поднимая глаза.

Этта приподнялась на локтях, вновь приковывая их удивленные взгляды, добавляя к ним свой собственный. У всех этот акцент – английский, что ли? На фоне их слов, растекавшихся, плавно завихряясь, ее тон казался грубым и резким.

Старомодная одежда. Старомодный выговор. Старомодный корабль?

Этта попыталась сесть, и внимание мужчин переключилось... с ее лица на... Она резко, со свистом вдохнула, обхватывая себя руками. Платье оказалось разрезанным по центру, так что пропитанная водой тяжелая ткань перестала держать форму.

Юноша бросил ей темно-синий сюртук. Шерсть царапнула холодную кожу, и Этте пришлось побороть желание зарыться в него лицом, чтобы исчезнуть.

– Мадам, вы в порядке?

Паренек, сидевший возле нее, был таким худощавым, таким невзрачным на фоне других, что почти отошел на второй план. Он поднял подбородок, разглядывая ее сквозь круглые, смехотворно маленькие проволочные очки, сидевшие на носу. Его странные штаны спереди насквозь промокли, как и гетры по колено, и ботинки с пряжками, и у Этты мелькнула бледная, но ужасающая мысль, что ее на него вырвало.

Лицо юноши окаменело под испытующим взглядом девушки; маленькая рука поднялась пригладить белый платок, искусно повязанный на шее, другая прошла по волосам. Чистые руки – холеные, что не очень-то вязалось с тем фактом, что они были на... на...

Корабле.

Трясаясь от страха, Этта вскочила на ноги. Сюртук не защищал от пристальных взглядов и не стал бы щитом от оружия, но в нем девушка чувствовала себя лучше.

– О боже... – выдохнула она.

Корабль. Она видела его перед... перед тем, как обрушились паруса и ее отбросило прямо в следующий вторник. Спина ударилась о ледяную воду, лодыжка вывернулась, когда она изо всех сил пыталась выгрести вверх. Годы тренировок в бассейне на 92-й улице – коту под хвост.

Пальцы слишком замерзли, а взгляд слишком подернулся пеленой, чтобы распутать сетку. Было очень больно – голова, грудь, все тело словно разрывались от необходимости дышать.

Я тонула.

Этта перевела взгляд с юноши в проволочных очках на того, с темными строгими глазами, кто заговорил, когда она очнулась. Он спокойно смотрел на нее, словно придирчиво оценивал. Слова проступили почти так же отчетливо, как если бы он вывел буквы на ее коже длинным пальцем.

Так вот, кто ты?

Скрестив руки на груди, он качнулся назад, повинувшись движению океана.

Океан.

Не Метрополитен.

Не Нью-Йорк.

Никакой земли в поле зрения.

Только два высоченных деревянных корабля.

Только мужчины... в костюмах.

Это просто костюмы. *Костюмы.*

Знаешь же, что нет. Этта попыталась сглотнуть, воспоминание о концерте рвалось из нее, раздирая сердце, легкие. Элис мертва. Я... Метрополитен... девушка...

Пожилой рыжеволосый мужчина распихал остальных, двигаясь размашистым шагом.

– Она в порядке, а работу никто не отменял, – сказал он экипажу, кивнув двум здоровякам впереди. Оба потеряли клочки бород и волос, словно бы спекшихся в комки, и оба были обнажены до пояса. Впечатляющие мускулы портило то, что Этта чуяла их за добрые десять метров.

– Мистер Фелпс, мистер Биллсуорт, пожалуйста, проводите экипаж этого корабля в трюм. И проследите, чтобы плотники начали свою работу немедленно.

– Есть, капитан.

Эти люди... они дрались, не так ли? Не просто дрались – убивали друг друга.

«Он сказал спустить их в трюм, – подумала Этта. – Запереть». Потому что... они враги? Где она, черт возьми? Как, черт возьми, она попала из Метрополитена на корабль на полпути в никуда.

– Так, милая, идите сюда, – сказал рыжеволосый – капитан, – поманив ее рукой с двумя недостающими пальцами. Этта не была уверена, что в тот момент доверяла инстинктам; от взгляда на него, окровавленного и огромного, сжималась грудь. Но в том, как он подходил к ней, не было ничего угрожающего, а слова не веяли опасностью. Девушка потрясла головой, чтобы избавиться от последней мысли, прежде чем та заставит ее сделать что-нибудь безрассудное, вроде дать ему свести себя вниз. Если он думает, что схватит ее, то получит каждую последнюю унцию Нью-Йорка, что в ней осталась. Этта завертела головой, ища что-нибудь острое.

– Не бойтесь, милая, – твердо сказал он, по-прежнему протягивая руку. Мягкие глаза. Мягкий голос. Идеально для заманивания доверчивых инженю на преждевременную смерть.

– Я вам не *милая!* – прорычала она.

Мужчина закашлялся, неумело маскируя смех.

– Мы не какие-нибудь прохвосты. Любой, кто попытается навредить вам, кто бросит хоть один лишний взгляд в вашу сторону, наестся ракушек с кия.

Почему-то она ему поверила. Если бы они хотели ее смерти, то вряд ли стали бы вылавливать из океана и приводить в чувство.

Забавно, но от этого она не стала чувствовать себя безопаснее.

Эти люди были незнакомцами и, судя по их лицам, при виде ее так же удивились, как и она, увидев их. Если кто-то действительно знал, что происходит и где она, так это та девушка на нижней палубе – та, что толкнула ее в музей сквозь странную дверь, мерцавшую в воздухе.

– Прохвосты? – в недоумении повторила Этта. – Вы, должно быть... пираты?

Юноша, казалось, оскорбился, а рыжеволосый мужчина только пожал плечами:

– Да, пираты. В законе, хотя, полагаю, Его Величество с этим не согласится. Тот корабль... – он указал на соседнее судно. Бесчисленные линии веревок и крючья связывали корабли друг с другом. – Капер, снаряженный в Нью-Лондоне, в Коннектикуте. «Челленджер». А этот мы захватили, – продолжил мужчина.

Точно. Этта заставила себя кивнуть. Конечно.

Матросы, которых не отправили в трюм, теперь работали, снуя по палубе, как муравьи, восстанавливающие разрушенный муравейник. С другого корабля снизу вверх потек ручеек из досок и бруса. Истекающие кровью раненные исчезали в трюме и снова появлялись на поверхности, уже в бинтах.

Желудок Этты крутило, переворачивало и скручивало, и она подумала, что вот-вот начнет рвать сюртук по швам просто, чтобы сделать хоть что-то. Все лучше, чем сидеть и чувствовать себя беспомощной.

Ты не беспомощна. Находиться внизу – не то же самое, что выбраться наружу. Ей просто нужно... найти свой азимут. Отрастить «морские ноги». Или как там говорят пираты.

А теперь они расчищали палубу от...

Трупов. Скажи это, Этта. От трюпов.

Элис. У них было что-то, чтобы причинить ей боль?

Убить ее, поправил голос у девушки в голове.

Она снова уставилась в воду, чтобы не видеть мрачной оперативности матросов, с каменными лицами запихивавших скрюченные вытянутые тела – их части – в полотняные мешки. На далеком горизонте не виднелось ни пятнышка. Ни земли. Ни кораблей. Только сверкающая синева, темнеющая вместе с небом. Только она, корабль, моряки и эти тела. Вода и пена, плещущиеся на палубе, приобрели отвратительный розовый оттенок.

Этта едва успела доковылять до фальшборта, перегнуться через него, увидеть темную воду и опорожнить желудок. Она закрыла глаза, пытаясь избавиться от образов, цепляющихся за ее сознание, словно канифоль за смычок. К тому времени, как она закончила, девушку трясло от усталости и крайней растерянности.

Но чувствовала она себя лучше. Чище.

– Мэм...

Туфли давно пропали... а были ли они на ней вообще? Пятка скользнула по краю заостренного металла, и она мгновенно ухватилась за идею наконец-то завладеть оружием. Этта нагнулась, чтобы его поднять. Зазубренный крюк оказался размером почти с ее голову, а весил в два раза больше – Этта еле-еле его подняла и чуть не выронила из рук.

– Мэм, ради бога, – протянул рыжеволосый, возводя глаза к небу. – Если позволите, я бы предпочел умереть от гарпуна, нежели от абордажного крюка. Меньше грязи тем, кому придется за мной убирать, вы уж поверьте.

– Возможно, вам следует остановиться на мгновение, чтобы продумать ход своих действий. – Юноша не двинулся с места, снова скрестив руки на широкой груди. Он говорил с нею?

Только теперь Этта заметила, что он такой же мокрый, как и она.

Идиотка! Ты же не сама поднялась обратно на палубу.

– Я не... Это вы... спасли меня? – спросила она.

– Полагаю, это очевидно, – многозначительно изрек он.

Старший пират повернулся к нему, не дав Этте увидеть выражение лица юноши. Снова взглянув на нее, он подмигнул:

– Не обращайтесь на него внимание. Он бывает добродушен раз в году, и этот день уже прошел.

Юноша коротко кивнул и сказал:

– Николас Картер. К вашим услугам, мэм. Это капитан Натаниэль Холл. Не откажите в удовольствии узнать и ваше имя.

Этта замялась, снова переводя взгляд от одного к другому. Капитан Холл сложил руки за спиной, ни на секунду не переставая улыбаться.

Положение находилось далеко за отметкой «странно», и Этту, все еще не уверенную, не сон ли это или галлюцинация, вызванная нервным срывом, этот простой вопрос привел в замешательство.

Возможно, вам следует остановиться на мгновение, чтобы продумать ход своих действий. Вспомнив слова Николаса, она снова вцепилась в сюртук. Потом слегка распрямилась, принимая решение.

Что бы ни происходило, ей нужно остаться в живых; а в данный миг лучший способ добиться этого – сотрудничать.

– Меня зовут...

– Генриетта! – раздался голос. – Где ты? *Генриетта?*

– Генриетта? – переспросил капитан Холл.

– Этта, – поправила она, ища источник крика. – Этта Спенсер.

Девушка появилась в облаке шелестящей зеленой ткани и темных волос. И без того бледное лицо стало мелово-белым, потом зеленым, когда она собралась с духом и огляделась. Она медленно шагала по запекшейся крови, еще не смытой мальчишками с ведрами.

Она! Значит, она ей тоже не приглючилась.

– Мадам, – произнес юноша в очках. – Ваш желудок окончательно успокоился?

Этта почувствовала запах рвоты, стерла рукой бисеринки пота, покрывающие ее лоб и верхнюю губу. Налитые кровью глаза девушки остановились на Этте.

– А ты заставила меня поволноваться! – выдохнула она.

Этта вскинула руки, чтобы удержать их обеих – и не дать ей подойти слишком близко. Девушка оказалась ниже ее, но выглядела выше из-за вьющихся волос, собранных на макушке, теперь свисавших набок. Ее широкая юбка окутала мокрую юбку Этты, а зеленый оттенок только усугубил большой цвет лица.

Не думаю. Этта изо всех сил вырывалась из рук девушки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Над карими глазами нависали густые темные брови, губы вытянулись в тонкую линию – улыбку, настолько же издевательскую, насколько и беспощадную.

Предупреждение яснее некуда: *больше ни слова.*

Этта изо всех сил старалась держать себя в руках. Открыла рот, наполненный острыми дикими словами, уже готовыми сорваться с кончика языка, и снова его закрыла.

Возможно, вам следует остановиться на мгновение, чтобы продумать ход своих действий.

Эта девушка знала, что произошло. Где они были. Ответы на вопросы начинались и заканчивались на ней, и единственный способ получить их – закрыть рот и слушать.

Ты знаешь, что произошло. Она тебя толкнула. Этта шумно выдохнула через нос, оглядываясь на море. Она боялась, что может не справиться с дурнотой, которую чувствовала.

– Ну зачем же, – мягким воздушным голосом проговорила девушка, – так паниковать? Я же сказала: все будет прекрасно! Разумеется, эти джентльмены не причинят нам, как пассажирам, никакого вреда.

– Бой может смутить даже самые крепкие нервы, – заметил капитан Холл. – Мисс?..

– Ох, София Айрон... э-э-э... Спенсер. – Она сделала маленький реверанс. Этта смотрела без капли сочувствия, как девушка выпрямилась и пошатнулась, зажмурившись и прижав к животу кулак. – А... это... моя сестра.

Ее укачало, поняла Этта.

– В самом деле? – Губы Николаса скривились. – Заметное сходство.

Этта была рада, что оглянулась, но не потому, что его шутка заслужила одобрение, а потому, что увидела реакцию Софии, когда та впервые его увидела. Тонкую приятную маску девушки прорвало отвращение. Всего на секунду, но впечатление отпечаталось в памяти.

Капитан Холл, скривившись, бросил взгляд на Николаса, прежде чем обратиться к юноше в очках:

– Не будете ли вы столь любезны, чтобы назвать нам свое имя, а также имя этого корабля?

– Ох! Разумеется. Корабль зовется «Ретивый», – сообщил он. – Я – Абрахам Гуд, помощник врача, а теперь, сэр, ваш покорный слуга.

– Не хотите сидеть в трюме, а? – хмыкнул капитан Холл. – Будете без сетований служить призовому экипажу?

– Почту за честь, – бодро заявил Гуд, расправив плечи, от чего, как заметила Этта, Николас закатил глаза.

– Где капитан Миллбрук? – спросила «сестра» Этты, оглядевшись по сторонам. – Теперь вы владеете кораблем?

Выговор у нее был не британский. С ее старательной интонацией, так отличающейся от того, каким тоном она говорила в Метрополитене, она скорее походила на восходящую звезду старого кино.

– Мне жаль, но он мертв, мэм. – Маленький человечек в очках шагнул вперед от леера, о который облакачивался спиной. Ему пришлось повысить свой хрустальный голос, чтобы перекрыть шум матросов на палубе.

Николас и капитан Холл переглянулись.

– Полагаю, это облегчает вашу работу, – заметил старший капер.

Николас пожал плечами, снова глядя на Этту:

– Вы не хотели бы вернуться в свою каюту и отдохнуть? Знаю, сегодняшний день был испытанием.

– Да, – поспешно ответила София, прежде чем Этта успела что-либо сказать. – Превосходное предложение. Мы можем по-прежнему пользоваться каютой рядом с большим салоном?

– Разумеется, я не отправлю ни одну из вас в кубрик с пленными, – сказал Николас. – Это было бы мелко.

Этта удивленно повернулась к нему. Так, значит... это он командовал кораблем, а не капитан Холл? Тогда... Холл командовал другим кораблем, который они упомянули, «Челленджером», а захватив этот, они поставили Николаса капитаном. Пленники, которых увели в трюм, – должно быть, все, что осталось от команды захваченного корабля. София взяла Этту под руку, снова привлекая к себе ее внимание.

– Сожалею о вашей утрате, – проговорил мистер Гуд.

Наверное, во взгляде Этты явственно проступило недоумение, потому что София впиалась своими неровными ногтями ей в руку.

– Капитан Миллбрук приходился юным леди дядей, – сказал Гуд, поскребя голову. София, словно бы неожиданно вспомнив, что должна горевать, утерла глаза, пока помощник врача продолжал: – Он сопровождал их обратно в Англию после смерти отца и продажи плантации в Нью-Провиденсе. Мы отправились из Нассау несколько дней назад.

Нассау? Нью-Провиденс? Почему у нее возникло такое чувство, что они говорили не о Нью-Йорке и Род-Айленде?

– Ужасно прискорбно, – проговорил капитан Холл далеким от сочувствующего тоном.

– Простите мою грубость, но я... – с трудом сглотнула София, – но я отведу сестру вниз и мы не будем мешать вам. Возможно... – она снова сглотнула, зажмуриваясь, когда ветер поднялся и бросился на корабль, – мистер Картер, будет столь любезен, чтобы нас сопроводить.

Николас выглядел так, словно находил идею вырвать собственные ногти более привлекательной.

– Почту за удовольствие, – натянуто отчеканил он.

София строго улыбнулась и кивнула, пожелав капитану Холлу и мистеру Гуду хорошего дня. Этта уже достаточно твердо стояла на ногах, чтобы поплестись за ней. Николас поднял крышку люка: решетку из темного дерева.

«Нет, – подумала Этта, пронзенная вспышкой воспоминания о трупe, крови, перекошенном лице. – Не заставляй меня идти туда».

Как будто у нее был выбор! София положила руку ей на поясницу и толкнула так сильно, что она чуть не наступила на подол собственного платья.

– Это совершенно безопасно, – успокоил Этту Николас, протягивая руку.

Она сосредоточилась на теплом давлении его пальцев, а не на крутизне спуска, запахе пороха и крови. Лестница оказалась просто рядом крутых мелких ступенек. Этта придерживала мокрую ткань платья одной рукой и цеплялась другой за край люка, чтобы не упасть.

Ей удалось и сохранить равновесие, и удержать глаза открытыми. В воздухе висел дым, тяжелый, но не слепящий. Она смогла получше рассмотреть длинный участок палубы перед нею. Свет лился через квадратные отверстия в борту корабля, куда матросы вкатывали большие пушки, закрепляя их веревками. Что было в другом конце палубы, она увидеть не смогла – мешала полотняная ширма.

Наконец, Этта заставила себя посмотреть вниз и обнаружила, что тело унесли, а пятна затерли – лишь тусклое пятно темнело на древесине. Ремонт начали незамедлительно: обломки, оставшиеся после битвы, сгребли к бортам корабля. Кто не был занят латанием дыр, сортировал кучи, выбрасывая бесполезные обломки дерева и стекла вон через бойницы навстречу поджидавшим поживу волнам.

Этта отступила к стене, освобождая дорогу другим идущим вниз. Пятки скользнули по чему-то холодному, привлекая ее внимание, и... там, на полу, прижимаясь к стене, обнаружилось нечто, напоминающее маленький нож для масла. Она едва поняла, что делает, прежде чем подняла его и спрятала в складках юбки.

«Что ты делаешь?» – саму себя спросила Этта, стискивая ножик, прижимая пальцы к гравировке на металлической рукоятке.

Защищаю себя.

Она понятия не имела, как им пользоваться, – какие там еще секреты, кроме того, что острие нужно держать от себя? Этта сосредоточилась на ноже, его форме, на том, как он нагревался в ее руке, с напряженностью, с какой набрасывалась на музыкальное произведение. Только тогда дыхание, наконец, выровнялось.

Ковыляя, схватившись за живот, рядом возникла София. Пара кожаных ботинок, хлюпающая водой при каждом шаге, возвестила о прибытии Николаса. Этта знала, что после соленой воды эту пару оставалось только выбросить, но не позволяла себе чувствовать себя виноватой.

– Держитесь подальше от полубака, – сказал юноша, проследив взгляд Софии на брезентовые завесы. – Разве что в галюн... э-э... в уборную, понадобится. Там зона команды. Вы вольны дышать свежим воздухом, когда заблагорассудится, но только после того, как мы закончим чинить корабль, и только с сопровождением. И ни при каких условиях не заходите в трюм, где держат другую команду.

– Мы... – София боролась со словами, замерев, чтобы преодолеть дурноту. Когда девушка снова открыла глаза, они горели в темноте. – Мы не будем иметь ничего общего с вами сверх того, что требуется.

– Полагаю, нет, – резко повернувшись, сказал Николас. – Я заранее отпращиваюсь от совместных трапез.

– Вы, должно быть, наслаждаетесь, – огрызнулась София. – Как же быстро червь попытался снова забраться внутрь! Знай я, что это будешь ты, *ни за что* бы не согласилась!

Они знают друг друга, поняла Этта. Она переводила взгляд с одного лица на другое – явная ненависть Софии, осмотрительная невозмутимость Николаса – и не могла взять в толк, как такое вообще возможно.

– Если вам потребуется что-либо из аптеки или камбуза, – продолжил Николас, как будто она ничего не сказала, – пожалуйста, дайте одному из мальчиков знать. Он найдет вам все необходимое.

– Ты сегодня слугу не играешь, а? – усмехнулась София.

В кормовой части корабля, где они стояли, было три двери. Николас открыл первую справа, и Этта узнала маленькую каюту, из которой вырвалась. Вместо того чтобы позволить девушкам пройти, он огляделся, словно хотел убедиться, что в пределах слышимости никого нет. Они были одни, за исключением молодого матроса, который, стоя на коленях, тщательно скреб палубу камнем.

– Как я понимаю, – сказал Николас, понизив голос, – вы знали, что вас перехватит корабль. Верно?

Этта изумленно уставилась на него. Нет, они этого *не* знали. Час назад... Пойдите-ка, сколько времени прошло с той минуты, как они были в музее?

– Дедушка явно сошел с ума на старости лет, – бросила София. – Доверять *тебе!*

– Возможно, *тебя* его заставила назначить безысходность, – парировал Николас. – Мне поручено доставить вас в Нью-Йорк, и, насколько я понимаю, это начало и конец нашей совместной истории. – Он поглядел через плечо в сторону полубака. – Чтобы не было лишних вопросов: остальные должны видеть в этом не более чем обычный трофей, который мы захватили. Понятно?

«Нью-Йорк?» – подумала Этта. Слово зародило крошечный кусочек надежды среди спутанной неразберихи дня.

– Интересно, что будет, если истина вскроется? – спросила София, сама кротость. – Что о тебе подумает экипаж, узнай они, что рискуют жизнями ради вознаграждения, которого никогда не увидят?

Что-то в этих словах задело юношу, и ему явно пришлось приложить усилие, чтобы взять себя в руки. Николас вскинул руку, ладонь хлопнула по дереву рядом с ее головой. До этого он стоял над Софией, выпрямившись в полный рост, но теперь наклонился, чтобы посмотреть ей прямо в глаза.

– Унижайте меня, сколько влезет, мисс Айронвуд, выплевывайте любые гнусные ругательства, какие можете выдумать, но если снова будете угрожать моему средству к существованию, знайте: вы не избежите последствий.

Айронвуд?

София, даже не вздрогнув, ухмылкой смахнула угрозу с лица, позеленев и изобразив дурноту. Николас отступил назад, его глаза мерцали огнем, казалось горевшим в самом сердце. В повисшей тишине, где ход времени отмечал лишь ритмичный скрип скелета огромного корабля, Этта осознала, чему только что стала свидетельницей, что нащупала девушка: оружие, способное открыть старые раны.

Если такой была София, страдающая от морской болезни, то в какое же чудовище она превратится, когда обретет полную силу! Разрываясь между желанием, чтобы разговор продолжился, возможно давая ей побольше полезных сведений, и предвкушением красочной драки, Этта снова прижала тупой конец ножа к бедру, вдыхая холодный соленый воздух.

– Мы поняли, – наконец сказала Этта. – Спасибо.

Это возымело эффект, на который она надеялась: внимание Николаса вернулось к ней.

Он коротко кивнул:

– Я распоряжусь, чтобы обед прислали в вашу каюту. Отдыхайте, мисс Спенсер.

Этта кивнула, не отрывая взгляда от пальцев ног, выглядывавших из-под платья. Николас двинулся к ступенькам, и пропитанный дымом воздух вокруг них колыхнулся, кожу на затылке покалывало от ощущения, что его глаза напоследок прошлись по ней. Когда звук шагов на лестнице стих, Этта повернулась к девушке, стоявшей рядом:

– Что, черт возьми, происходит?

Прижав руки к губам, София стояла у переборки. При словах Этты она подняла лицо:

– Ни слова, пока я не скажу, иначе я за себя не отвечаю.

Этта снова распахнула дверь каюты и шагнула внутрь, оббив пальцами теплый металл ножа.

– Скажи мне, кто ты, – потребовала она.

В стене оказался маленький иллюминатор, впускавший лишь крохи света. София на нетвердых ногах нагнулась за металлическим фонарем, поднимая его на маленький столик. Этта отодвинулась, пытаясь держаться подальше от запаха рвоты и холодного, оценивающего

взгляда Софии. Ей захотелось вернуться к двери, – если дело примет дурной оборот, она сможет вырваться наружу и запереть Софию внутри.

Девушка тяжело села на край встроеной койки, подпихнув к себе ведро ногой.

– Проклятый корабль, проклятый предатель, проклятое задание...

– Расскажи мне! – воскликнула Этта. – Как мы здесь очутились... и где это *здесь*? И кто эти люди?

– Я не обязана ничего тебе рассказывать после этой воистину умопомрачительной демонстрации бес... – София немного напряглась. – *Бестолковости*.

– Ты толкнула меня! – взвилась Этта, выпуская гнев. – Ты что-то со мной сделала... притащила меня сюда!

– Конечно, я тебя толкнула, – фыркнула София. – Ты не мычала, не телилась. Мы сто лет там проторчали, а ты все плакалась, как дура. Я сделала нам обеим одолжение.

– Это ты... – Этта с трудом выдавливала из себя слова. – Ты застрелила Элис? Она пыталась помешать тебе притащить меня сюда?

Мозг Этты отчаянно пытался связать, почему Элис оказалась там, не в зале и не наверху, в мамином кабинете. Девушка не проверила, была ли сумочка при ней – в любых других обстоятельствах она бы, возможно, посчитала бы, что ее пытались ограбить. Но выходило слишком много совпадений. И объяснение казалось слишком простым.

– Элис? – в замешательстве повторила София. – Ты про старую кошелку? Не знаю, кто в нее стрелял, – там были и другие Айронвуды, приглядывающие за нашими успехами. Если это не один из них – что ж, я тоже не собиралась сидеть и ждать, пока тот, кто бы это ни сделал, добрался бы до нас.

Этта смотрела на нее, тысячи мыслей превращались в вопросы. Софию рассмешило ее ошеломленное молчание, и последний изношенный зажим, удерживающий самообладание Этты, наконец-то лопнул.

Девушка выхватила нож, ее грудь вздымалась, тело трепетало, когда она приставила его к горлу Софии. Зверь в ней взял верх над логикой, состраданием, терпением. Мерзость, текущая по венам, была незнакомой и пугающей.

Что ты творишь?

София уставилась на нее, темные глаза лишь немного расширились. Потом она нетерпеливо щелкнула языком и потянулась им к лезвию, пока на кончике не выступила капелька крови.

Прежде чем Этта успела отшатнуться, София обвила свою руку вокруг ее руки, отодвигая нож на долю сантиметра от своего горла. Лунный свет мог бы позавидовать ее коже, такой бледной и гладкой она казалась. Темные глаза горели диковатым одобрением. Словно Этта прошла негласное испытание. Этта чувствовала трепет пульса Софии, легкий и теплый, когда девушка снова притянула их руки к своему горлу, скользя по обнаженной плоти.

– Сюда, – сказала она, – прямо сюда. Они истекут кровью, как резаные поросята, прежде чем успеют взвизгнуть и ты сможешь улизнуть. Запомни это.

Этта кивнула, ее горло слишком сжалось, чтобы говорить, когда София вырвала нож из ее пальцев и с силой швырнула в переборку, где тот и остался, подрагивая.

– Они не ожидают этого от тебя, – продолжила она, – и я, к своему стыду, тоже не ожидала. Это хорошо. Я *люблю* бойцов. Но против меня ты этим ничего не добьешься.

– Сказала девчонка, которая не может перестать блевать, – Этта едва узнала себя за этой злостью и все менее узнавала себя в охватившем ее чувстве беспомощности.

Она словно бы снова тонула, безвольно наблюдая за поверхностью воды, темнеющей с каждой секундой. София поднялась, взяла со стола серебряный кувшин и налила воды в маленькую фарфоровую чашу, потом плеснула на лицо, шею, руки. Закончив, окинула все гневным взглядом:

– Ненавижу этот век. Какой же он... неотесанный, правда?

Этта услышала свой собственный шепот:

– Какой век?

– Ты правда не делала этого раньше? Ты действительно понятия не имеешь. Поразительно! – София подняла голову, поджав губы. – Угадай.

Этта не хотела произносить этого вслух, но другого способа узнать не было.

– Восемнадцатый? – предположила она, думая о костюмах. – Ты притащила меня в восемнадцатое столетие?

Отчаянье сделало ее голос высоким. *Скажи мне, скажи мне, скажи мне...*

– Никто тебя никуда не притаскивал, – возразила София. – Ты путешествовала.

4

Путешествовала. Этта катала слово в сознании, словно глину, позволяя ему сформироваться, разглаживая, пробуя другую форму. *Путешествовала! Путешествие* подразумевало выбор: добровольное преодоление расстояния, определенную цель. Этта последовала за тем шумом и криками, потому что хотела доказать самой себе, что не сошла с ума, что есть источник, причина. И он привел ее...

К лестнице.

Стене дрожащего воздуха.

Только вот... это была не вся правда. Он привел ее к Софии, а София вывела на лестницу, потому что...

– Тебя послали, чтобы привести меня сюда, – сказала Этта, сложив два плюс два. – Ты притворилась скрипачкой... участвующей в концерте.

София тряхнула запястьем.

– Дай мне ту влажную тряпку, а?

Этта выудила тряпку из чаши и бросила девушке в лицо, наслаждаясь шлепком о кожу.

София поднялась, платье перелилось через край узкой койки.

– Не в настроении?

Этта еле сдерживалась, чтобы не закричать: «С чего бы, а?!»

Стук молотков и крики сверху заполнили повисшее между ними молчание.

Спустя пару секунд София проговорила:

– Как бы ни было забавно посмотреть на это, я не могу позволить тебе наделать ошибок. Если проговоришься и разоблачишь себя перед остальными, мою – не твою – шею ждет гильотина.

Подтащив шаткий деревянный стул от двери, Этта спросила:

– Что ты имеешь в виду... *если проговорюсь?*

София откинулась на койку, настолько миниатюрная, чтобы растянуться, не подгибая колени. Сложив мокрое полотенце, девушка накрыла им глаза и лоб.

– То и имею. Если расскажешь кому-нибудь на корабле – или кому угодно еще, раз уж на то пошло, – что можешь путешествовать во времени, подведешь нас обеих под монастырь. – Она приподняла тряпку, глаза сузились. – Хочешь сказать, что правда *ничего* об этом не знаешь? Родители все от тебя скрывали?

Этта посмотрела на свои руки, изучая красные, покрытые ссадинами костяшки.

Вопросы повисли между ними, словно нитка слепящих бриллиантов.

Она подняла взгляд, озарение смело неверие.

– Если я отвечу на твой вопрос, обещаю ответить на мой.

София закатила глаза:

– Если тебе так хочется поиграть...

– Я не знаю своего отца, – сказала Этта. – Никогда не знала. По маминым словам, она встречалась с ним лишь раз. Мимолетное увлечение. А теперь скажи мне, почему это так важно?

– Я не имела в виду твоего *отца*. – София приподняла обе брови. – Способность может передаваться от любого родителя.

Тогда...

Мама. О боже... Чтобы не упасть, Этта оперлась о стол, навалившись на него всем весом, ноги словно бы обратились в пыль. *Мама.*

Ты не можешь просто взять и сбить ее с пути без последствий!

Она не готова. Не прошла соответствующую подготовку, и нет никакой гарантии, что этот путь ей подходит!..

Они говорили не о дебюте.

Недоумение терзало мысли девушки, даже когда чувство вины сомкнуло на ней свою пасть. Она поругалась с Элис – столько всего наговорила, – думая, что наставница хочет удержать ее от выступления.

Она пыталась меня защитить. Мама хотела, чтобы Этта путешествовала, а Элис – нет. Так она тоже одна из них – путешественница? Роуз явно посвятила Элис в тайну, а Этту держала в неведении. Да как они могли обо всем знать и словом не обмолвиться? Зачем поставили в такое положение?

...Ты явно не знаешь Этту, если недооцениваешь ее. Она справится.

Справится с чем?

Заставив себя сжать челюсти, охваченная новым подозрением, Этта повернулась к Софии. Если бы мама хотела, чтобы это произошло, она бы просто *попросила* ее пойти с Софией. Оглушительный резонанс, смерть Элис – ничего этого не должно было случиться.

Пришло ее время.

Над заполняющим голову хаосом расцвела мысль. Роуз и Элис точно знали, что однажды Этта отправится в путешествие, и, может быть, всегда спорили, пытаясь это как-то предотвратить, защитить ее. Вот почему не рассказали, на что она способна, – спорили о том, как, наконец, намекнуть ей.

Не слишком-то торопились, подумала Этта, пытаясь унять дыхание. Совсем даже не торопились.

Ей внезапно стало страшно за маму. Ведь если один из путешественников во времени – один из наблюдавших за ними Айронвудов – без колебаний убил Элис, чтобы добраться до Этты, именно Этты, то кто сказал, что они не сделали того же с ее мамой, если и она попыталась их остановить?

Почему они пришли за ней? Зачем *она* им нужна?

– Ты достаточно умна, чтобы это понять, – продолжила София. – Способность передается по наследству от одного или обоих родителей – теперь, как правило, от одного, так как нас стало меньше и мы вынуждены вступать в браки вне рода. Шансов унаследовать способность все меньше и меньше, но ты явно получила ее от матери. Роуз Линден.

Линден. Не Спенсер. Но почему мама взяла другую фамилию – просто придумала, или ее носил отец Этты? Как он во все это вписывается, если вписывается?

– Довольно известная в наших кругах, надо сказать. В один прекрасный день она исчезла, вызвав изрядную суматоху.

София, казалось, наслаждалась, наблюдая, как Эттин мир неспешно разворачивается перед нею. Этту приводило в бешенство, что эта девушка не спешила рассказывать ей все, явно надеясь, что она будет ее умолять.

А она не будет.

– Разве ты не хочешь задать мне еще один вопрос?

Уголок рта Софии пополз вверх, когда Этта расправила плечи.

– Сайрус Айронвуд. Тебе знакомо это имя? – наконец поинтересовалась София. – Оно тебе о чем-нибудь говорит?

– Это два вопроса, – заметила Этта. – И на оба ответ «нет». Как мы путешествуем, как это вообще работает?

София застонала:

– Господи! Мы потратили годы, чтобы этому научиться, а теперь я должна рассказать за две минуты?

– Да, – твердо ответила Этта.

– Это... особые отношения, в течение тысяч лет складывающиеся у некоторых людей со шкалой времени. Никакой машины, если ты об этом подумала. Нечто... более натуральное. Деду слово не нравится, но путешествия в чем-то сродни магии. Наши предки получили уникальную возможность воспользоваться преимуществом прорех во временной ткани, пройти через дыры и выйти в другой эпохе.

Что из этого показалось самым невероятным? Что время может оказаться «дырявым» или что София с бесстрастным лицом произнесла слово «магия»?

– Они похожи на естественные трещины – изломы, – которые можно найти по всему миру. Проходы существовали всегда, и наши семьи всегда умудрялись находить и использовать их. Все довольно просто, но постарайся не терять ход мыслей. – София поерзала, пытаясь устроиться поудобнее. – Проход в средневековом Париже может вести, скажем, в Египет времен фараонов. Тыходишь внутрь, как вошла бы в любой туннель, и проходишь назад или вперед между выходами.

Этта кивнула, растирая заочевенные руки, пытаясь вернуть им чувствительность. От следующего вопроса ее отвлекла шальная мысль. София сказала *наши предки*. Этта подумала было, что речь идет о Софии и ее деде, Айронвудах, – но среди этих безликих «предков» были и ее? Линдены?

Мысль заполнила темный пыльный уголок ее сердца, который она закрыла еще ребенком жгучей, почти невыносимой надеждой. Она никогда не позволяла себе хотеть большего, чем у нее уже было; это было ужасно неблагодарно при той любви, которой окутывали ее мама с Элис. Но... семья. С корнями и десятками, судя по всему, ветвей, с одной из которых она упала.

– В сундуке в соседней каюте найдется еще одно платье тебе по размеру, –махнула рукой София. – Бог знает, может, ты влезешь в него лучше, чем в то, которое я на тебя нацепила.

Обида померкла на фоне внезапного осознания.

– Где *мои* вещи? –спросила Этта. Ее одежда, мамины сережки...

– Твое уродливое платье я сожгла, как только мы пришли, –ответила София. – Все равно оно было испорчено. Серьги в мешочке в... кое-где.

Паника ослабила хватку.

– *Клянисься*, что не выбросила серьги?

– Хотела, – призналась София. – В жизни не видала такой отвратительной пары сережек. Но... жемчужины оказались настоящими. Вот я и подумала, что, возможно, однажды они тебе пригодятся. Продать.

Этта вздрогнула от удивления. Продать?

– Просто сходи за этим чертовым платьем... а заодно и за исподним. Все, что тебе нужно, завернуто в коричневую бумагу, – объяснила София. – И поторопись, хорошо? У меня назрел следующий вопрос.

Этта встала на негнущихся ногах, но остановилась у двери, прислушиваясь. Убедившись, что поблизости никого нет, вышла, нырнув в соседнюю каюту. В ней почти ничего не было – даже стола, – так что девушка тут же нашла сундук и присела возле него. Тяжелая крышка застонала, когда она потянула ее вверх, уловив приятную волну лаванды.

Мешочки с лавандой обнаруживались то тут, то там: прятались среди лежащих сверху одеял и даже в кожаных ботинках, которые она отставила в сторону. Коричневый сверток, перевязанный бечевкой, лежал внизу, под очередным слоем одеял. В сундуке нашлось кое-что еще: бутылочка, пахнущая розовой водой, расческа, и... выдохнув обжигающий легкий воздух, девушка схватила бархатный мешочек.

Серьги вывалились на ладонь, и Этта выронила бархат. Всклип вырвался из глубин ее души, да такой бурный, что она вздрогнула. Девушка прижала кулак ко лбу, почувствовав укол впившихся в кожу замочков.

Не надо было ей покидать каюту Софии. Она не могла держать себя в руках, не ощущая давления и необходимости притворяться. Сейчас казаться смелой или спокойной было не обязательно. Доказывать было нечего.

Элис. *Боже мой, Элис.* Этта посмотрела на свои руки, словно ожидая увидеть следы крови наставницы. Ее убили, чтобы добраться до Этты, – почему она не остановилась, не послушала, что старая женщина пыталась втолковать ей в кабинете матери? И почему Элис пыталась все это предотвратить?

Ей нужно придумать, как держать себя в руках, иначе она никогда не выберется отсюда. Никогда не найдет дорогу назад в свое время.

Дыши, утенок. Считай со мной. Три счета вдох и три – выдох...

Голос Элис плыл среди раздробленных осколков Эттиных мыслей. Девушка полной грудью вдохнула влажный воздух, сосредоточенно вслушиваясь, как расправляются легкие, и медленно, как учили, выдохнула. Переживания и паника так давно не душили ее, что она забыла, как легко попасться в их тиски.

Закрой глаза.

Слушай только музыку.

Слушай.

И она слушала: поющих матросов наверху, пульс, быстро и неукротимо бьющийся в ушах. Машинально подняв руки и сотворив из воздуха скрипку, она заиграла для собственного успокоения. Поняв, что делает, остановилась.

Этта с усилием выдохнула через нос, потирая пальцем переносицу.

Мама хотела, чтобы я путешествовала. Нет, не так, конечно, но однажды. *Она хотела, чтобы я знала, чтобы понимала, на что способна.*

Впервые в жизни Этта осознала, что, наконец, столкнулась с маминым главным секретом – самой сутью того, кем она была, почему берегла каждое воспоминание о своем прошлом. Почему так неожиданно закрывалась, погружаясь в глубокую задумчивость. Ледяной узел, в который скрутились их отношения, распутался. Девушка почувствовала отчаянную необходимость найти маму, убедиться, что она в безопасности, поговорить с нею и наконец-то узнать ее.

Но ничто из этого не отвечало на вопрос, почему Роуз держала все в секрете. Сейчас она путешествовала только между материками – плавала через океаны; в этом Этта не сомневалась. Так почему она исчезла, как утверждала София? И какие из ее рассказов были настоящими, а какие – вымышленными, чтобы усыпить маленькую беспокойную девочку?

Я должна вернуться.

Очнувшись на корабле, она обнаружила, что все ее тщательно выстроенное хладнокровие улетучилось, оставив только животный инстинкт и волю. Тогда она почувствовала себя безумной и расстроенной, но доказала – хотя бы себе, – что готова сражаться. Защищать себя. Теперь нужно любой ценой использовать каждую каплю жажды жизни; собрать в кулак нежелание покоряться давлению и составить план возвращения домой.

Домой... В свое время. В Нью-Йорк.

Этта сунула ноги в тесную обувь и запихнула серьги обратно, остановившись лишь на мгновение, чтобы удостовериться, что они целы. Их небольшой вес будет напоминать ей о доме, маме, Элис, дебюте...

Элис. Этта была путешественницей во времени – может ли она вернуться в ту минуту, когда ругалась с мамой и Элис? Может ли использовать дар, чтобы перенестись в прошлое, уйти с концерта и увести их обеих?

Может ли спасти Элис?

Этта всегда знала, куда течет ее жизнь; она боролась за то, чтобы не сходить с этого пути, каждый раз, когда брала в руки скрипку. Ее будущее – это сцена, выступления, записи... Однако небольшое сомнение в неизбежности этой мечты всегда оставалось. И стоило дверце в

новый мир приотвориться на миллиметр, как соблазн распахнуть ее до конца стал для ее воображения почти непреодолимым. Каково это, задумалась она, идти, куда и *когда* вздумается?

Побывать в сердце давно умершей империи. Пересечь материки и увидеть чудеса мира, прежде чем они исчезнут. Сидеть в аудитории Венского Кернтнертор-театра, слушая первое исполнение девятой симфонии Бетховена. Упросить Баха дать ей урок в его лейпцигские годы.

Спасти Элис.

Что еще она могла выбрать, кроме как узнать все, что можно, лишь бы вернуться в то время?

Ей придется смириться с ухмылками Софии, с тошнотворной мыслью, что, возможно, она смотрит в лицо убийцы своей наставницы или, по крайней мере, соучастницы этого убийства.

Я сделаю это, подумала Этта, наклоняясь, чтобы забрать сверток. *Верну все обратно.*

И, если потребуется, она с боем преодолеет каждый шаг на этом пути.

Когда Этта вошла в каюту, София сидела на краешке кровати.

– Зablудилась? – осведомилась она, снова склоняясь над ведром.

После вкуса свежего воздуха запаха желчи и рвоты хватило, чтобы желудок Этты тоже перевернулся. – Как получилось, что с тобой все прекрасно, а я...

Этта отвернулась, когда Софию снова вырвало, развернула сверток, отодвигая бечевку, и осталась со стопкой льна, хлопка и шелка. И чем-то подозрительно напоминающим корсет.

– И что мне со всем этим делать?

– Сними грязное платье и подумай, – съязвила София. – Начни с сорочки – тонкой штуки, похожей на ночнушку. Затем чулки – их нужно закрепить подвязками. И да, тебе придется их носить.

Когда Этту вытащили из воды, кто-то разрезал на ней платье и корсет, который расхотился почти донизу, где встречался с юбкой платья. Оно должно было бы достаточно легко сниматься, но мокрые струны корсета запутались и скрутились, когда Этта натянула сюртук Николаса. Как только девушка их ослабила, снять части по отдельности, сбросить на пол и выкрутиться из остатков мокрой окровавленной юбки оказалось довольно легко.

Ты сделаешь это.

Слова матери всплыли в ее голове. *Этта справится с этим.*

Она может. Она сделает.

– Придумала вопрос? – подходя к Софии, поинтересовалась Этта. Нижние юбки оказались главным якорем, тянущим ее вниз: два толстых слоя шерсти, скрепленные вместе, но отдельно от платья. Они скользили по ногам, шлепая по полу. Одной рукой держась за шероховатую деревянную панель, девушка освободилась от них и от чулок, оставшись в длинной тонкой хлопковой ночнушке, под которой ничего не оказалось. Эттино лицо вспыхнуло, когда она взглянула на Софию.

– Смени сорочку и принеси мне, что там еще осталось. Я тебя перетяну, – велела София. – И еще раз: да, тебе это нужно. Видимо, в двадцать первом веке у девушек пропали талии. Иначе платье не будет нормально сидеть.

Этта нахмурилась:

– Да, ваше величество.

– Хорошо звучит, спасибо, – усмехнулась София. – Без талии, но способна признать вышестоящих. Возможно, теперь я смогу с тобой работать.

Этта закатила глаза.

Как могла, уступая стыдливости, она отвернулась от Софии и стянула сорочку через голову, сменив ее на сухую и чистую. Продев руки в рукава, разгладила зацепившуюся и обмотавшуюся вокруг коленей ткань.

София не слишком грациозно проковыляла к сундуку. Этта уловила краткий проблеск другой ткани, прежде чем девушка нашла, что искала: длинную тонкую иглу, вырезанную из кости.

– Продень руки через лямки корсета, – распорядилась София. – Шнуровка спереди, так что сможешь сама ее затягивать.

– Великолепно, – пробормотала Этта. – Жду не дождусь.

– Чтобы сыграть роль и не попасться, надо переодеться, – напомнила София.

Оказывается, игла служила для шнуровки корсета. Этта почувствовала запах кожи, когда София продевала иглу через идущие по краям отверстия. Ткань оказалась жесткой, и косточки впивались в кожу, когда София натягивала, закрепляла, натягивала и снова закрепляла. Эттина поза изменилась: девушка выпрямлялась, пока не стала выше дюйма на три, по крайней мере, ей так показалось.

– Не распускай шнуровку, когда раздеваешься, только ослабляй, – посоветовала София, – а потом затягивай. Если хочешь быстрее одеться на корабле, набитом мужчинами.

– О... кей, – выдохнула Этта, дергая шнурки, чтобы их ослабить. София шлепнула ее по руке.

– Ты испортила три лучших платья, что я тебе купила, – сообщила она. – Но, думаю, это вряд ли имеет значение, ведь мы не будем обедать с экипажем. Они оба *robe a l'anglaise*¹.

– Переведешь? – Этта натянула еще одну шерстяную нижнюю юбку на бедра и чуть не потеряла сознание от неожиданно разлившегося по телу сладкого тепла.

– Лифы закрыты, видишь? Тебе не нужен корсаж, чтобы закрыть корсет. – София прижала платье к груди. – Ты забыла чулки и подвязки. Их легче надевать до нижних юбок.

Этта вздохнула, беря шелковые полосочки, согнулась, чтобы натянуть одну на правую ногу, закрепила лентой выше колена и принялась за левую. София хорошо знала все это, но сама явно была не из «неотесанного» восемнадцатого века.

– Сколько тебе лет? – спросила София, снова возвращаясь на кровать. – Это мой следующий вопрос.

– Семнадцать, – сказала Этта, натягивая платье через голову. – А тебе?

– Семнадцать, – ответила София. – С половиной.

Конечно. Этта боролась с жалким желанием добавить, что она все равно ее обошла – ей восемнадцать исполнится всего через несколько месяцев.

– Ты действительно настолько хороша, чтобы профессионально играть на скрипке?

Пальцы Этты скользили по ленте, которую она пыталась завязать настолько туго, чтобы удержать чулки, но и настолько свободно, чтобы кровь свободно циркулировала по ноге. Она не обязана выкладывать всю правду.

– Думаю, да.

– А твой отец, твой будущий муж... – Толчок прошедшей под килем волны заставил Софию упасть обратно на кровать. Откинувшись, девушка так и осталась лежать. – ...твой будущий муж, – выдавила София, морщась от очередного приступа тошноты, – они позволили бы тебе работать? Даже после того, как пошли бы дети?

Странный вопрос.

– Я уже говорила, что не знаю отца, – ответила Этта. – Но никто не посмеет указывать мне, что делать, когда мне исполнится восемнадцать. По крайней мере, заставить меня они не смогут.

София смотрела на нее остекленевшими глазами:

– Правда?

Этта знала, какой вопрос задавать следующим, но на языке вертелся другой:

¹ В английском стиле (*фр.*).

– Из какого ты века? Кстати, в этом раунде у меня два вопроса.

– Я изо всех веков, – пренебрежительно отозвалась София. – Но родилась в 1910-м в Филадельфии. Не возвращалась в то время с тех пор, как... Вечность.

– Где расположены остальные разрывы... например, тот, что ведет в Метрополитен?

София расхохоталась:

– Так я тебе и сказала! Да и что бы изменилось, если бы *сказала*. Ты хоть знаешь, в каком мы океане? – Через секунду она, кажется, поняла свою ошибку. – Это не вопрос!

– Нет, вопрос. И да, знаю. Это ведь Атлантика? – Этта не нуждалась в том, чтобы София подтверждала ее правоту. Она помолчала, пытаясь придумать правильный вопрос. – Как мы попали на корабль?

– Мы прошли через проход. Ты потеряла сознание. Я передела тебя в соответствующую эпохе одежду, и мы обе отправились в порт, чтобы сесть на корабль. Этот отказался единственным, выходящим из... из того самого порта, который удовлетворял назначенному дедушкой времени. Одна беда: судно отправлялось в Англию, поэтому дед нанял эту... эту крысу, чтобы захватить корабль и привести в Нью-Йорк, где он нас ждет.

Ответов было гораздо больше, чем Этта рассчитывала. Должно быть, от усталости София выболтала лишнее.

– Намочишь? – И София бросила тряпку Этте. Та поймала ее двумя пальцами, держа перед собой.

– Конечно, – ответила она. – Кстати, это был вопрос.

София прищурилась:

– Будь ты проклята!

– Зачем я здесь? – требовательно спросила Этта. – Почему ты за мной пришла?

– Это два разных вопроса с разными ответами, – заметила София. – Ответ на первый – не знаю. Мне о таком спрашивать не положено. Ответ на второй – потому что мне велели.

– Кто?

– Это третий и самый глупый, принимая во внимание, что я уже рассказала.

Этта выругалась. У нее был... *дедушка*. В девушке зазмеилось отвращение. Наконец-то сорвавшийся с бледных губ Софии вопрос получился коротким и еле слышным:

– Когда женщины получили право голоса?

Этта моргнула, снова улыбнувшись. Ничто другое ее не волнует?..

– В твоём распоряжении проходы к разным эпохам, так? И ты правда не в курсе?

– Чтоб ты знала, прежде чем меня послали забрать тебя, мне не предоставляли привилегии отправляться в любой год по своему выбору, – раздраженно пояснила София. – Итак, ответ... скажи, правда ли это... правду ли поведал ящик с движущимися картинками, что женщина баллотируется в президенты?

Ящик с движущимися картинками... Телевизор?

Становилось все интереснее и интереснее. София оказалась гораздо более занятой, чем казалась сперва. Девушка не копалась в прошлом Этты, чтобы найти что-то, что можно было бы использовать против нее... нет, она потратила вопрос, потому что ужасно хотела узнать ответ.

– Да, баллотируется, а право голоса... кажется, в 1920-м?

– В 1920-м, – повторила София. – Десять лет.

Десять лет с чего – с ее рождения? Этте не верилось, что София не обладала «привилегией» отправиться в какой-либо год. Как ее могли остановить, когда все путешественники держали историю на кончиках пальцев?

Эта мысль потянула за собой другую:

– Может ли путешественник изменить историю?

– Моя очередь, – проворчала София. – Но да. Путешественники, как известно, по оплошности и глупости случайно вносили в историю небольшие изменения. Не так уж и трудно, если

не соблюдать осторожность. В большинстве случаев изменения не так уж и велики, чтобы требовать корректировки. Но изменять что-либо намеренно – против наших правил и может привести к запрету на путешествия на годы, если не хуже.

– Не понимаю, почему маленькое изменение не ведет к большому, – призналась Этта.

– Иногда это так, но иногда просто ничего не происходит. Заранее трудно предсказать. – Прикрыв глаза, София скрестила руки на груди. – Лучший способ понять – думать о шкале времени, как о... непрерывном ревущем потоке. Его направление определено, а мы лишь создаем рябь, впрыгивая и выпрыгивая из него. Время само исправляет себя, чтобы дальнейшие события оставались неизменными. Но если маленькое изменение дорастает до большого или действия путешественника достаточно разрушительны, это действительно может изменить течение времени, тем самым изменяя форму будущего.

Этта наклонилась к ней:

– Что такое форма будущего?

– Какая в твоём времени система обучения? – вопросом на вопрос ответила София. – Ящик с движущимися картинками в гостинице заставил меня поверить, что учиться вместе с мужчинами – обычное дело.

– *Телевизор*, – поправила Этта и нетерпеливо набросала контуры американской системы образования.

– Ладно, смотри, в чем тут дело, – кивнула София. – Большие перемены обычно требуют чудовищного количества денег и установления связей с правильными, влиятельными людьми. Дедушка проделывал подобное несколько раз, чтобы обезопасить наше состояние и ввести в родословную другие семьи.

– *Что?* – прогремела Этта. Её время оказалось ненастоящим – её будущее определял какой-то старик?

– Это либо согласованные усилия нескольких путешественников, либо невероятная удача, помогающая обнаружить стержневой момент на временной шкале. Такие события, как войны, сложнее, поскольку в них множество действующих элементов, это как пытаться сдержать приливную волну, но все равно возможно. Гораздо легче изменить городской пейзаж, создать или разрушить компанию, поддержать и пролоббировать законы, удовлетворяющие интересам нашего дела. Дедушка, возможно, вызвал несколько обрушений фондового рынка, разоряя другие семьи, и это могло перерасти в нечто более, ну, историческое.

Историческое? Что у них считается «историческим»? Великая депрессия?

– Опять же подобное больше не практикуется, – продолжила София. – Мы защищаем нашу временную шкалу.

«Ты хотела сказать, свои богатство и власть», – подумала Этта. Она оказалась права – эта семья отличалась безжалостностью, девушка, как никогда, чувствовала благодарность судьбе, что не имеет с ними ни капли общей крови.

– Что произойдет, если будущее изменится? – Этта наклонилась вперед, оперев руки в колени.

София вздохнула:

– Расскажи мне о путешествиях в твою эпоху. Каково это – лететь на самолете?

С трудом сдерживаясь, Этта рассказала, а потом ждала ответа, неловко ерзая на жестком стуле. Глядя в потолок, София сложила руки на животе.

– Если кто-то изменит прошлое и последствия окажутся достаточно велики, чтобы изменить шкалу времени, это не уничтожит тебя – путешественника за пределы эпохи. Ты уцелеешь. Однако это уничтожит знакомый тебе мир. Ты можешь вернуться и не узнать свой родной мир: не узнаешь знакомых, не найдешь свой дом и тому подобное. Станешь беженцем, лишенным своего естественного времени. Так возникает момент, когда временная шкала сменяется новой, мы называем его *складкой*. Время попытается исправить и заново отстроить

себя, вытолкнув тебя, путешественника из той эры, где ты находишься, в последний год, общий для старой и новой временных шкал.

Вполне логично, что она не будет стерта из истории, совершив ошибку. Подобное удаление стерло бы ошибку, вызвавшую это, делая невозможным какое-либо изменение. Но то, что описала София, казалось пугающим. Она могла вернуться во время, когда никто: ни Элис, ни Пирс, *никто* – ее бы не знал. И лишиться всего, чего она достигла со скрипкой, имени, которое ей с таким трудом удалось заработать.

– Ты что-то задумала? – поинтересовалась София. – Вижу по лицу: сначала боялась, а теперь исходишь любопытством.

– Не имеет значения, чем я исхожу, – заявила Этта. – Я собираюсь домой.

– Ты не можешь вернуться, пока дедушка не разрешит, а он не потребовал бы твоего присутствия, не будь у него веской причины. Хотелось бы мне ее знать.

Этта с усилием расслабила плечи:

– Мне тоже.

– Расшнуруй меня, – сказала София. – Хочу отдохнуть.

Но игра еще не окончена. А ее последний вопрос... Этта провела большую часть жизни, перебирая критические анализы и оценки своей игры, поэтому не сомневалась в своих способностях отличать правду от преувеличения, пристрастия или лжи. То, что сказала София, – правда, но не вся.

– Что, не хочешь вернуть должок? – фыркнула София. – Так и знала, что надо брать с собой горничную.

Этта заставила себя встать, когда корабль снова качнуло. София снова позеленела, а шустрые пальцы Этты забегали по линии крошечных пуговиц.

Ткань – какой-то дамаск – оказалась теплой и влажной от пота; корсет потяжелел от него, сорочка стала полупрозрачной и кисло пахивала. Несмотря ни на что, щемящее сочувствие заставило Этту повернуться и вытащить свежую из ближайшего сундука. За мгновение до того, как она отвела взгляд, Этта увидела глубокие покрасневшие вмятины, оставленные корсетом на коже девушки. Скользнув в свежие одежды, София издала тихий вздох облегчения. Если они в чем и были заодно, то в том, что эту эру было трудно назвать звездной для женщин.

– Как в этом двигаться? – поинтересовалась Этта, водружая корсеты на стол.

– Женщинам не полагалось много двигаться, – ответила София, добавив: – Хотя и не всем. Уверена, крестьянки этой эры рады поддержке, горбаться, убирая дома или делая, что там крестьянкам положено делать. Вертятся как белки в колесе.

Этта потеряла лоб, не зная, с чего начать.

– Пока ты играешь роль обоев, – продолжила София. – Декорации. Вот доберемся до Нью-Йорка, и тогда дедушка попросит у тебя... что он там хочет попросить.

Этта отпрянула от одной только мысли. Будь здесь мама, одно это слово вызвало бы такой поток красноречия, от которого уши пошли бы волдырями, а сердца выгорели бы по всему океану. *Обои. Декорация.* Вся ее жизнь и личность обратились в ничто.

– Я этого не принимаю, – заявила Этта. – Я не вещь. И ты, кстати, тоже.

Выражение лица Софии изменилось: обмякшие от изнеможения черты оживились острым интересом.

– Ты, знаешь ли, избалована. Ты и ваше голосование, образование, независимость... сколько всего вам досталось даром!

Этта ощетинулась, чего София явно и добивалась. Как и любая девушка, она все еще чувствовала отголоски ранних эпох угнетения. Ее воспитывала мать, боровшаяся за право получать зарплату, которую заслуживала, за равный доступ к образованию, за возможность путешествовать по собственному выбору. То, о чем ее просили – подыграть чьей-то игре, – заставило кровь пульсировать в жилах. Она уже напятила этот чертов корсет. Разве этого недостаточно?

– Зачем ты остаешься здесь, если можно отправиться в какое угодно время? – осведомилась Этта. – Ты можешь отправиться со мной – я имею в виду обратно в будущее. Или вернуться в прошлое и попытаться изменить законы...

София усмехнулась:

– У меня нет выбора. Все путешественники должны отправляться из того года, в котором на сегодня расположилась наша семья. Дедушка выбирает – мы подчиняемся. Независимо от того, где и когда мы родились, мы все встречаемся там. Все предлагаем свои услуги главе семьи. Играем роли, которые требует от нас каждая эпоха, и не вмешиваемся в законодательство и общество. По крайней мере, больше не вмешиваемся.

Как удобно думать, будто всего лишь играешь *роль*! Будто все они играют роли, а жизнь – грандиозный *спектакль*? Как легко умыться руки, сняв с себя ответственность за *исправление* ошибок, и бездействовать, взирая на войны и угнетение! Свое будущее, жизнь, какой она ее знала, Этте хотелось бы сберечь, но сидеть сложа руки, обладая такой силой, было бы неудобно, возмутительно.

– В чем тогда цель путешествий? – требовательно поинтересовалась Этта, раздраженная всеми этими недоответами. – Если вы не пробуете ничего исправить, сделать мир лучше, тогда зачем?

– Служить дедушкиной воле, – с усталым видом ответила София. – Защищать интересы семьи. Изучать, что предлагает эпоха, и наслаждаться этим.

Чудненько. Обладать наиошеломительнейшей силой в мире, чтобы набивать карманы и ходить на экскурсии!

– И все? – прошипела Этта. – Seriously?

– Мы защищаем нашу временную шкалу от нападения врагов семьи – остатков других трех семей-путешественников, отказавшихся влиться в нашу.

– У тебя, знаешь ли, есть выбор, – через мгновение заявила Этта. – *Всегда*. Ты знаешь проход в мое время. Ты можешь уйти. Но не уходишь. Так что на самом деле удерживает тебя здесь, кроме преданности и страха?

– Ты назвала меня трусихой? – ледяным тоном переспросила София.

Девушка тоже обладает этой силой. Так что же держит ее в узде, удивилась Этта, когда она явно хотела большего, чем предлагала ей семья?

– Я считаю тебя умной. Ты хочешь чего-то лучшего. Так возьми жизнь в свои руки – и *вперед*!

А заодно возьми меня с собой обратно. Этта снова сплела руки на коленях, наблюдая за изменением выражения лица Софии; это была не совсем манипуляция, скорее – предложение сотрудничества. Убеди она Софию, что та заслуживает большего, чем могло дать прошлое, девушка отвела бы ее обратно к проходу. Вместе они бы придумали, как сбежать с корабля. Этта была почти уверена, что с толикой изобретательной лжи с обеих сторон мама охотно поможет «новой подруге» дочери встать на ноги.

Закрыв глаза, София покачала головой, а когда снова открыла, Этта почувствовала в них жар ярости.

– Хватит сотрясать воздух, – прошипела София. – Наша жизнь требует упорядоченности. Так велят правила и закон *смешивания*, чтобы гарантировать наше выживание. Ты не понимаешь, Этта. Сейчас живет менее сотни путешественников. Мы и так вымираем, без риска попасть в плен или погибнуть в беспощадную эпоху. Мы подчиняемся нормам эпохи, как бы они нас ни возмущали.

– Утешайся, если это тебе помогает, – бросила Этта.

София закатила глаза:

– Можешь вообразить, что на нас обрушится, если «правильные» люди найдут способ принудить нас им служить?

Этте не потребовалось напрягать воображение – достаточно было увидеть отблеск ужаса на лице девушки.

– Мы защищаем себя, играя роли, соответствующие времени, в котором находимся.

– Что ты имеешь в виду? – уточнила Этта.

– То и имею... будущее, каким *ты* его знаешь. Прежде чем дедушка объединил семьи, они постоянно пытались нарушить естественные временные шкалы друг друга. Не было никакой стабильности. Теперь есть. Так что цепляйся за свои права, убеждения, будущее, но знай: ничто из этого здесь не поможет. Тебе не приходилось выживать, как поколениям женщин до тебя. Ты не знаешь ничего о крошечном оружии, которое мы вынуждены использовать, чтобы получить хоть какие-то знания и власть.

Разрозненные обрывки жизни Софии начали складываться у Этты в голове. Сквозь их беспорядочное мельтешение проступал жесткий хребет, скреплявший бурю, клокочущую неимоверной злобой и коварством.

«Крошечное оружие» Софии заключалось в поиске уязвимых мест людей, обнажении их страхов и желаний, пока те не открывались, словно натянутые нервы. Что за жизнь семья предложила Софии, что она так отчаянно нуждалась в большем, вынужденная оттачивать это умение?

Голос Софии становился грубее, чем дольше она говорила.

– Теперь, когда наша игра подходит к концу, позволь мне сказать без обиняков. Общество одинаково, независимо от эпохи. Существуют правила и нормы, на первый взгляд бессмысленные. Отвратительная замысловатая шарада: заигрывание пополам с кажущейся наивностью. В понимании мужчин, мы обладаем разумом ребенка. Поэтому ты не должна смотреть в глаза ни одному мужчине на корабле. Есть ты должна медленно, тщательно и мало; и если в каюте меня нет, ты должна находиться в ней одна. Покидать каюту можешь только в моем сопровождении. И сделай нам обоим одолжение: притворяйся немой, пока тебе не задали прямого вопроса и рядом не оказалось меня, чтобы на него ответить. И ни при каких обстоятельствах не разговаривай и не сговаривайся с Картером, можешь использовать его только как нашего слугу.

Гнев быстро и горячо разнесся по венам; Этта устала, что София ведет себя так, будто любая другая живая душа должна перед нею пресмыкаться.

– Николас нам не слуга.

Приподнявшись на локтях, София переспросила:

– *Николас?*

Этта поняла свою ошибку слишком поздно; даже она знала, что в те времена не подобало обращаться к кому-либо по имени, за исключением близких друзей и родственников, и уж особенно к людям противоположного пола.

– Мистер Картер, – исправилась она. – Ты знаешь, что я имею в виду. Не смей относиться к нему, как...

– За собой следи, – отрезала София. – Я знаю, что ты думаешь, какие выводы делаешь, но знай: мое недоверие носит личный характер. Я видела гнилые грани его души и знаю, какая он лживая свинья. – В ее голосе не было ни насмешки, ни лукавства. – Держись от него подальше.

Этта поднялась, собрав мокрую одежду, чтобы скрыть, как дрожат ее руки.

Я не ошибаюсь... Нет. Лучше она поставит на человека, прыгнувшего в океан ради ее спасения, чем на ту, кто против воли запер ее в прошлом. Какой бы век ни был на дворе.

– В отличие от тебя, – заявила Этта, подойдя к двери, – я принимаю решения сама.

Но когда, поддавшись искушению, она обернулась через плечо, чтобы удостовериться, что ее слова достигли цели, София уже откинулась на спину, закрыв глаза.

– Давай, – бросила София, когда скрипучая дверь отворилась. – *Попробуй.*

Этта шагнула в коридор, закрыв за собой дверь. Прислонившись к ней, она стала искать музыку в шуме ремонта над головой и в голосах, плывущих вверх из-под ног. Мелодия работы, песнь прилежания и мастерства. Ноты плыли, заливаясь в уши, подлаживаясь к темпу и тональности...

Хватит, подумала она; пальцы натягивали ткань на руках.

Ветерок ворвался через открытый люк и погладил ее на бегу, спеша к полубаку на носу корабля. Парусиновую завесу сняли, и она смогла разглядеть гамаки и небольшой пяточок, где сидело несколько мужчин, выскабливая металлические тарелки. Один обернулся, вся левая сторона его лица была замотана пропитанной кровью повязкой. Девушка повернулась к двери соседней каюты, намереваясь побыть одной.

И кто тут трус?

Она раскинула влажное платье и корсет на койке, чтобы высушить их окончательно. Отчистила тонкую корку серебристой соли, въевшуюся в задубевшую ткань, потом обратила внимание на сюртук Николаса.

Мистера Картера.

Что-то в ней надломилось. Почему она сидит здесь – потому что София велела? Она может подняться на палубу, если захочет. Может убежать от запаха рвоты, тесных границ каюты, насладиться свежим морским воздухом, посмотреть вдаль. Она может сделать свой собственный выбор, что бы там София ни говорила.

Только... Этта сникла, коснувшись пальцами ручки. *Он* просил их оставаться внизу, пока корабль ремонтируют, и держаться подальше от полубака. Неважно, что просьба в какой-то мере происходила от желания держать Софию подальше. Не желая выполнять ее приказы, Этта не могла заставить себя проигнорировать пожелание Николаса. Кроме того, палуба была завалена не только телами, но и оружием, и осколками металла и стекла. Пока они ее полностью не очистят, выходить было бы небезопасно, да и работе мешать не хотелось.

Как же мне сделать это без нее? Думай, думай, думай...

Вдохнув успокаивающий аромат мыла и смолистой туи, Этта села на край койки, с удивлением обнаружив, что все еще держит в руках сюртук. Руки по-прежнему кутаются в его тепло, пока ноги мерзнут в ботинках. Бережно, как только могла, она отчистила медные пуговицы и накинула полотно сюртука на ноги, разглаживая оставшиеся складки.

Пальцы коснулись небольшой рельефной отстрочки, где, чуть ниже плеча, стояла заплатка. Девушка задумалась, как это произошло... Случайность? Невнимательность? Ранение?

Попроси его. Слова всплывали снова и снова, пока она уже не могла не обращать на них внимание. *Попроси его помочь.* У них был общий враг; быть может, когда дойдет до дела, он не захочет выполнять приказы Софии. Николас – мистер Картер – не любил Софию, но будет ли этого достаточно, чтобы дать уговорить себя отвести Этту обратно... Куда? Она по-прежнему не знала, где находится проход, через который она сюда попала. Но... Девушка села прямо, зародившаяся в голове идея достигла сердца. Экипаж в трюме... Они же знают, откуда отплыли? Все на корабле должны знать, когда они с Софией на него сели.

Я видела гнилые грани его души.

Я знаю, какая он лживая свинья.

Этта покачала головой. Члены экипажа были ключом, и те, что работали на палубе, и те, что в трюме. Узнай они ее, узнай, что, по существу, ее похитили, помогли бы ей сбежать от Софии? Отвезли бы обратно?

Этта могла придумать способ сыграть идеальную девушку восемнадцатого века, но на своих собственных условиях. Надо просто заставить экипаж полюбить ее.

Что, учитывая ее список друзей... могло стать самой сложной частью плана. Она заводила знакомства во время конкурсов, но больше знала об их технике и навыках, чем о личной жизни. А потом появился Пирс.

Эттино горло сжалось, словно в нем что-то застряло. Знакомое жало слез надавило на глаза – мысли о Пирсе заставили подумать и об Элис.

Я спасу ее.

Ее смерть – не завершение. Не конец. Усилием воли прогнав мысли из головы, Этта встала, положив сюртук рядом с платьем. Руки чесались от желания быть занятыми, играть на скрипке, пока голова не очистится и душа не растворится в музыке. Но вместо этого она лишь копалась в наслоениях одеял в сундуке, нащупывая серебряную расческу, которую видела на дне. Судя по щетинкам, та была сделана из какого-то жесткого волоса. Девушка изучила тонкий узор из листьев и цветов на серебряном обороте, удивившись, что София положила ей что-то столь красивое и милое, а скажем, не миниатюрные грабли, выдирающие волосы с корнем. Однако, проведя расческой по вороньему гнезду из колтунов, Этта уже не была уверена, что граблями получилось бы больше. Девушка распутывала волосы с отчаянной осторожностью, прикусив губу, чтобы не заплакать. Лак, которым она сбрызнулась перед концертом, не смылся морской водой, а только затвердел от соли. Сей факт, возможно, и показался бы ей любопытным, если бы кожа на голове не горела огнем, а те волосы, что ей удалось расчесать, не стояли бы торчком, как раздерганный комок ваты. Кувшин и тазик оказались пустыми, а Этта была слишком горда, чтобы идти за водой, даже если София спала. В дверь поцарапались и постучались. Девушка молчала затаив дыхание в надежде, что пришедший подумает, будто она спит. Вместо этого после очередного стука дверь приоткрылась, и в щелку просунулась голова.

Мальчик, которого она видела драявшим палубу на коленях, опустил лицо, сложил руки перед собой.

– Ох, не хочу беспокоить вас, но...

Его розоватое, усыпанное веснушками лицо обрамляли пышные рыжие волосы – что за расточительность природы: даровать такие мальчишке! Глаза светились ярко-голубым, а когда он их поднял, округлились.

Этта неожиданно болезненно осознала, что, прервав причесывание, опустила руки на колени без расчески: та продолжала болтаться на голове.

– Мисс! – выдохнул он. – Вы не... очень извиняюсь, я только... мне нужен капитанский, то бишь сюртук мистера Картера!

С достоинством, на которое только была способна, Этта указала на койку:

– Он там. Передай мои сожаления, что так долго продержала его.

Все это время, пока Этта использовала сюртук в качестве успокоительного одеяльца, ей даже в голову не приходило, что у юноши, возможно, не было другой одежды.

Идиотка. Она была смущена собственной черствостью.

Тощий большеухий мальчик добежал до койки и схватил сюртук. А она вернулась к своему занятию – попыталась вытащить расческу, не повырывав при этом все волосы. Дверные петли все не скрипели.

– У вас нету помады, мисс? – выпалил он. – Вам, кажется, больно. – Потом, пойдя белыми пятнами от страха, добавил: – Извините...

– Все в порядке, – быстро соображая, ответила Этта. – У меня нет... помады. И воды. Можешь достать их для меня?

Николас говорил, если что-то нужно, можно попросить мальчиков... Этта не была уверена, чего от нее ожидали, но мальчик не казался встревоженным или настороженным просьбой. На самом деле он ринулся в бой:

– Хорошо мисс, я мигом. Отдам сюртук другому мальчику, шоб почистил, и принесу вам воды. Мамка научила меня, как ухаживать за волосами правильно и подобающе, словно

леди... – Запнувшись на вдохе, он взял себя в руки: встал прямо, расправив худые плечи. Глядя на него, Этта догадалась, что ему не больше двенадцати, может, тринадцати. – Вам понадобится помощь, мисс?

Ей нужна помощь, конечно... и та, что он предлагал, и та, о которой, как она только сейчас осознала, она могла попросить. София предупреждала не сходить слишком близко ни с кем на корабле – ни с кем из этой эпохи, – но сейчас у нее была веская причина приблизить его, выуживая нужную информацию. Этта поджала губы, чтобы удержаться от улыбки, пряча пульсирующее в ней волнение.

– Я – Этта Спенсер, а тебя как зовут?

– Джек, мисс Спенсер, – он слегка поклонился.

Верный своему слову, Джек вернулся с кувшином теплой воды, тряпкой и склянкой чего-то, пахнувшего необыкновенно пряно, отчего пустой желудок девушки тут же скрутило голодом.

Джек серьезно относился к своим обязанностям; когда Этта попыталась помочь ему вымыть и вытереть полотенцем свои волосы, он ответил ей твердым взглядом. Девушка закусила губу, чтобы не улыбнуться, и стойчески позволила ему нанести пряную смесь – напомадить, догадалась она. Несколько минут ее холили, словно нежную болонку, а потом Этта приступила к исполнению своего плана:

– Джек, ты из призовой команды? Или с «Ретивого»?

Он сообщил, выпятив грудь:

– Из призовой, мисс, и один из лучших. Капитан Холл как следует вышколил нас. Замечательно. Именно то, на что она надеялась.

– Не мог бы ты рассказать мне о команде?

Джек отшатнулся, окидывая девушку недоверчивым взглядом.

– Ну... они пускают слюни, храпят и пукают, как любые мужики, даю вам слово.

Она снова закусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Нет, я хотела узнать... как их зовут? Откуда они? Что делают, когда не работают? Мне *всегда* было любопытно.

Всегда – это последние минут десять.

Джек замешкался, наморщив лоб, словно от недоумения и неуместности всего этого. Этта отмела чувство вины и, улыбнувшись мальчику самой обворожительной улыбкой, на которую только была способна, добавила:

– Я спрашиваю, потому что доверяю твоему мнению превыше всех остальных.

Это, казалось, пришлось Джеку по душе.

– Лады. Думаю, лучше всего начать с мистера Картера, – наконец, кивнул Джек.

«Да, – подумала Этта. – Давай».

– Он хороший моряк и нравится мне. Славный. Когда не лает с остальными, учит меня буквам, чего не обязан делать, понимаете? Иногда, когда я приношу ему завтрак, читает мне. Читает так много, шо в толк не возьму, как ему не надоедят все эти слова. – Джек скорчил гримасу. – Он – командир призового судна. Он отдаст корабль в призовой суд и получит наше вознаграждение. Ему не очень нравится черепаховый суп: всегда корчит рожу, когда я подаю его. Он из... ну, я воще-то не знаю. Но воспитал его капитан Холл. Вы это хотели узнать, мисс?

Этта кивнула:

– Точно.

Джек прошелся по всей призовой команде, отмечая, насколько каждый ему нравился, кто чаще всего рыгал после того, как он им прислуживал, кто храпел, кто погиб в жестокой битве во время абордажа. Разговор, естественно, перетек в болтовню о работе, волнении во время абордажа и о том, что некоторые ребята с «Ретивого» согласились работать на мистера Картера, но все же не очень любили Джека. Девушка так увлеклась его рассказом, что не заметила, как

расческа заскользила по волосам все легче и легче, сверху вниз, сверху вниз, пока те не стали шелковистыми и только немного влажными на ощупь.

– Как вам зачесать? – поинтересовался он.

– Я просто заплету... – начала было Этта. – Спасибо за помощь.

– Я могу заплести, мисс, – заметил он.

– Можешь?

– Матрос, который не умеет плести, – вовсе не матрос, – провозгласил он. – Сперва научись женить и плести веревки и канаты.

– Женить? – переспросила Этта, взглянув на мальчика сквозь завесу волос. Его потрясло, что она уселась прямо на пол, но только так он мог стоять над ней и делать свое дело.

– Ага, сплеснивать – сращивать концы двух веревок, шоб делались одной. Соединять их вместе.

Она задумалась, не от этого ли исконно пошло само слово: женясь, люди связывают свои жизни друг с другом. Как странно увидеть что-то знакомое под совсем другим углом зрения, проследить его неожиданную историю. Хоть какая-то польза от путешествия во времени: по крайней мере, она чему-то училась. Чему-то, что могло пригодиться только на викторинах, но все же.

– ... Черти носят, Джек Уинстед? – раздался голос.

Бросившись к двери, Джек распахнул ее.

– Господи, парень! Ты что, тут прячешься? Новый кок, конечно, зверь, но он же тебя не съест...

Этта поднялась на ноги. Мужчина за дверью оказался моложе, чем она ожидала, учитывая глубокий баритон, – однако она узнала его голос, перекрывавший остальные и в командах, и в песне. Темно-русые волосы были завязаны на затылке, открывая отличный вид на круглое открытое лицо и зашитую рану на щеке. У него были широкие плечи, грудь колесом, как у голубя, но он рванулся, чтобы вцепиться в воротник Джека, словно ястреб.

– Простите, это моя вина – я задержала его, – сказала Этта, чувствуя подступающее отчаянье: не обидел бы он мальчика.

Мужчина поднял голову, отпуская Джека.

– Ох, прошу прощения, мисс Спенсер. Если он помогал вам, все в порядке.

Джек с широко распахнутыми глазами повернулся к ней.

– Да, помогал, – подтвердила Этта.

Мужчина посмотрел на мальчика сверху вниз.

– Повар уже четверть часа не может тебя дозваться. Давай, шевелись, парень.

Джек вышмыгнул из комнаты, но мужчина схватил его за воротник и втащил обратно.

Мальчик поспешно поклонился:

– Приятного вечера, мисс!

– Мы еще научим его манерам, – немного раздраженно пробормотал мужчина, – хотя, кажется, мне и самому бы не помешало. Я – Дэйви Чейз, первый помощник капитана призового судна.

Этта не знала, что делать, когда он щелкнул каблуками и еще раз поклонился. Реверанс? Кивнуть? Она припомнила, что ей рассказал о нем Джек. Любит музыку, эль, девок из доков. Не любит юнг, которые не слушаются приказов, зиму в Новой Англии, чай. Самое интересное, однако, что его вырастили – фактически усыновили – капитан Холл, его покойная жена, как и Николаса.

– Все хорошо? Вы нас порядком напугали, – продолжил он.

– Уже лучше, спасибо, – осторожно произнесла она, довольная, что голос прозвучал спокойно и собранно. Может, попрактиковавшись, будет легче или, по крайней мере, спокойнее?

– Я увидел, что вашей сестре еще плохо... точнее, почувал, когда подошел к ее каюте. Что за невезучий желудок. – Юноша выглядел так, словно пытался подавить усмешку, и в это мгновение Этта поняла, что он ей нравится. – И попросил кока приготовить отвар, который ей поможет. Скоро мы поставим ее на ноги и поплывем дальше.

Чем раньше София поправится, тем раньше Этта вернется под ее пристальное наблюдение. Ей следовало использовать все оставшееся время, чтобы задобрить команду и повернуть корабль в порт, из которого он отплыл. К проходу, ведущему в Нью-Йорк ее времени.

– А вы? Отужинаете с нами сегодня вечером?

Этта открыла было рот, чтобы отказаться – от истощения даже собственные кости казались тяжелыми, и ей нужно было попрактиковаться в светских беседах этого века, прежде чем отважиться на полноценный разговор, – но желудок отозвался громким урчанием.

Эттино лицо запылало, когда она бросилась извиняться, но теплые карие глаза Чейза только восторженно засветились.

– Кажется, ответ ясен, – улыбнулся он, протягивая руку.

5

Мистер Эдвард Рен явно никогда не позволял правде вставать на пути хорошей истории. Николас откинулся на стуле, борясь с желанием стукнуть кулаком по столу и оборвать – силой, если потребуется, – бессвязный рассказ о былой доблести Рена. Насколько Николас понимал, полуправда за полуправдой складывались в полнейшую ложь.

Оглянувшись вокруг, он оценил реакцию ужинающих. Из его призовой команды – тех, кто вместе с ним высадился на «Ретивого», овладев кораблем, – присутствовал боцман Тейлор, уткнувшийся в свои чашки, с зубами, окрашенными портвейном. Он клевал носом, обхватив живот, вспученный непомерным количеством лабскауса и пастернака в масле. Справа сидел уцелевший офицер из команды «Ретивого», штурман Хит. Правое ухо пожилого джентльмена под нахлобачкой парика было забинтовано, и он весь ужин провертелся на стуле, пытаясь слышать, что говорит Генриетта Спенсер, поглощавшая еду с волчьим аппетитом, по достоинству оцененным Николасом.

Генриетта Айронвуд? – подумал он. Туманное письмо старика не содержало прямых указаний, но ей, казалось, недоставало яда, прокачиваемого сердцем этой семьи. Однако вполне возможно, она из тех, кто подбирается поближе, прежде чем вонзить смертоносные клыки.

Он перевел взгляд направо от нее, где сопляк Гуд, свеженазначенный судовым врачом, сосредоточенно кромсал еду на кусочки, годные разве что для цыплят.

– Мисс Спенсер, вы не попробовали лабскаус. Очень рекомендую, – ляпнул Хит, почти перекрикивая не столь громогласного Рена. Николасу приходилось бывать на его месте – мучительный звон и временная глухота после пушки, выстрелившей слишком близко, – и он не мог обвинять старика за излишнюю громкость. – Конек кока.

Зная, что, допусти он хоть кого-то из призового экипажа распорядиться камбузом, пришлось бы грызть черствые сухари и хлебать черепаховый суп каждый вечер, Николас неохотно разрешил коку «Ретивого» остаться в должности. Мужчина разве что не приковал себя к плите, стоически и мрачно, предложив в качестве доказательства своего мастерства пирожные. Выглядел он весьма неплохо: подстриженная темная борода и опрятные волосы. Более того, кок, за свою жизнь явно прошедший через множество абордажей, терпел *его* присутствие на корабле.

– Оно приготовлено из солонины, которую кок подвешивает за бортом судна, чтобы соль вымылась, – объяснил Гуд. – В рагу только мясо, картофель, лук и немного перца, если он у него имеется.

Генриетта... нет, Эгта... нет, *мисс Спенсер*... наградила Джека, одного из юнг, легкой улыбкой, когда тот выскочил вперед, плюхая тушеное мясо в ее тарелку.

Все наблюдали, как девушка осторожно откусила, сжала губы, пробуя, с трудом проглотила. Ей удалось выдать лишь одно слово:

– Вкусно.

– Хорошая девочка, – усмехнулся Чейз.

Светловолосый, как ангел, и огромный, как медведь, его друг, первый помощник капитана на оставшуюся часть путешествия, знал толк в противоречиях. Вечно розоватое открытое круглое лицо светилось неукротимым добродушием. Он был одним из немногих, кто украдкой утер слезу, когда мисс Спенсер очнулась. Спустя всего несколько секунд Чейз вернулся к работе, помогая остальным латать корпус, распевая похабные песни самым громким голосом, на какой был способен. А сегодня вечером после ужина и последней вахты он отправится в свой гамак – с удивительной тщательностью штопать чулки – свои и всего экипажа.

На палубе, однако, Чейз был внушительен, словно гора, не зная снисхождения к отлынивавшим от работы или посмевающим не подчиниться – не без страха, впрочем, перед плет-

кой-девятыхвосткой или хорошеньким пинком по мягкому месту. Как правило, поддержать Чейза в приподнятом настроении удавалось доброму пиву или бокалу вина, но Николас почти обрадовался, что его друг выглядел так же угрюмо, как он сам себя чувствовал. Может быть, он не единственный, кого измотали все эти испытания.

Рен ласково улыбнулся Этте – *мисс Спенсер*, – указывая на свою все еще полную тарелку лабскауса:

– Я не очень его жалею. Проклятие изысканного вкуса, полагаю. Но, клянусь, ел бы его каждый день, вместо того чтобы сдохнуть от голода на острове с остальными...

Черт возьми, от этого что, не будет никакого спасенья?

По досадной милости Божьей, Рен был еще одним выжившим офицером с «Ретивого», что, к сожалению, предоставляло ему честь трапезничать в капитанской каюте, за пределами которой он и другие моряки оставались в трюме.

Николас глубоко вдохнул аппетитный солоноватый запах лабскауса и подозвал Джека наполнить свою опустевшую миску. Руки мальчика нервно подрагивали. Первое плавание. Николас хорошо помнил это чувство.

– Отлично справляешься, – прошептал он мальчику. – Молодец.

Джек выпрямился, расправив плечи, и изо всех сил старался удержать улыбку на лице, когда двинулся прислуживать Чейзу. Когда он дошел до Рена, мужчина прервал историю, чтобы наградить мальчика всей тяжестью своей снисходительности.

– Ты что, оглох, а? Я же сказал, что не жалею его. – Рен глянул на Николаса: – Твое милосердие воистину не знает границ. Нанимаешь недоумков и простаков?

Рычание забурило в глотке Чейза в тот же миг, когда ложка в руках Джека «выскользнула» из его пальцев и с мокрым плюхом приземлилась Рену на колено.

– Ах ты чертов...

Николас напрягся, когда Рен занес руку. Дерзость будет наказана, но не так: хотя другие могли бы обвинить его в слабости, Николас никогда не поднимал руку на детей, даже наказывая за дело.

– Мистер Рен...

Он не мог взять в толк, как ей удалось в тяжелых юбках переместиться так быстро, но Этта уже стояла подле Рена, положив руку ему на плечо.

– Ох, нет, – громко проговорила Этта. – Какой ты неуклюжий, Джек! Лучше бы тебе извиниться.

Чейз оттащил Джека на безопасное расстояние от Рена, пока офицер пялился на Этту, на секунду позабыв о своей ярости.

– Извините, – пробормотал Джек, а когда Чейз немного его встряхнул, добавил: – *Сэр*.

– Все в порядке, правда? Всякое случается, – успокаивающе продолжила Этта, поднимая выроненную Реном салфетку. – Вот так...

Она слегка повернулась, возвращаясь на свое место, спокойно встретив взгляд Николаса. *Отлично*. Искусная манипуляция. Он склонил голову в знак признания. *Хорошо сыграно*.

Этта склонила голову в ответ, возведя бровь, будто спрашивая: «А ты где был?» Он ответил на вызов нежданной улыбкой.

– Шельмец сделал это нарочно, – упорствовал Рен.

Этта продолжила:

– Итак, что вы говорили об острове и еде?

Поскольку Рен был, что непостижимо, офицером, матросам обоих экипажей, включая юнг, полагалось выказывать ему уважение. Существовали обычаи, как вести себя с захваченным экипажем, и, правду сказать, Джека следовало наказать. Возможности избежать этого, не нарушая несносный этикет, не было, но мисс Спенсер...

Николас повернулся и заметил, как Чейз наблюдает за ней, приподняв брови. Она потушила пожар, прежде чем пламя успело заняться.

Теперь, однако, мисс Спенсер, казалось, пожирала каждое слово Рена, словно кусочки второй порции ужина. Айронвуд хорошо ее обучил. Придется внимательно следить за ней, чтобы убедиться, что с ним самим не играют... или, возможно, лучшим решением было вообще на нее не смотреть.

Свет свечей восхитительно мерцал на ее шелковом платье и щеках. Она с трудом подносила вилку ко рту, явно испытывая неудобства от кроя платья. Возможно, это объясняло и придыжание, с которым девушка все смеялась и смеялась над глупыми шутками Рена.

Где же та маленькая львица, подумал он, бродящая по палубе с распущенными волосами, развевающимися вокруг нее, словно облако? Та, что выглядела готовой расправиться с двумя мужчинами вдвое ее крупнее... абордажным крюком, не меньше? Она ушла в каюту дикой, горячей, а вышла прохладной и бледной, словно жемчужина. Если бы девушка уложила и напудрила волосы по нынешней моде, он бы не сомневался, что наблюдает за кем-то из своего века.

Сидевший рядом с ней Эдвард Рен корчил из себя гордость чертовой Англии прекрасным обхождением и шармом. Николас беспристрастно оценил его, когда старший помощник капитана «Ретивого» поднялся из трюма, найдя обделенным всем, кроме отличных манер. Выражение его лица, когда Холл представил Николааса в качестве капитана судна...

Пальцы Николааса сомкнулись вокруг серебряного ножа, сжимая его, пока не восстановилось дыхание. Неверие. Негодование. Даже хуже, чем неприкрытая злоба Софии.

Они познакомились, когда капитан Холл и «Челленджер» уже были готовы к отплытию. И не обменялись ни единым словом после того, как капитан ушел; просто изучали друг друга. Рен рассматривал его, словно лошадь, которую намеревался купить. Теперь Николас вернул должок.

Темные волосы, темные глаза. Разумеется, героические синяки и кровоподтеки. Рен был гораздо ниже Николааса, но ходил с выпяченной грудью и задранном подбородком, словно еже-секундно направлялся на прием к королю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.